

Русская Православная Церковь

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

ISSN 2225-0271

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

№ 6 (117) 2017
ноябрь — декабрь

Тема номера:
ОТКУДА БЕРЕТСЯ
РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ?

- Неизвестная страница истории усадьбы Ховрино
- Врачи приговорили к смерти, а Господь распорядился иначе
- Любовь, которой можно позавидовать

Архидиакон Стефан – первый из мучеников, кто погиб за проповедь учения Христа. Икона

Стефан же, будучи исполнен Духа Святаго, воззрев на небо... сказал: вот, я вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога. Но они, закричав громким голосом, затыкали уши свои, и единодушно устремились на него... (Деян. 7:55–57)

Бесятина чистой воды

Протоиерей Андрей Ткачев размышляет об экстремизме вообще и о религиозном экстремизме в частности

— Отец Андрей, вы, наверное, думаете: сейчас начнет про «Матильду». А вот и не начну. Меня меньше всего интересует провоцирующий и хулиганский аспект той бузы. А других я в ней не вижу.

— Вот и слава Богу. Хотя в нашем разговоре, думаю, эту тему не обойти. Слишком уж всё выпукло.

— Двояковыпукло.

— Пожалуй. Вот такая геометрия...

— Начнем все же с главного, да? Религиозный экстремизм. Откуда он берется?

— Он берется, на мой взгляд, из двух источников: из экстремизма вообще — как видового понятия — и из кривого понимания своей веры — как понятия родового.

— То есть религиозный экстремизм — это своего рода подвид экстремизма в целом?

— Я бы сказал так. А вот сам экстремизм рождается из схем, которые претендуют на полное управление жизнью. Собственной в том числе. Но только в качестве компонента глобальной программы — управления жизнью вообще. Экстремизм, бомбизм, терроризм вообще не предполагают обязательной религиозности в ее классическом понимании. У этих субъектов своя религия и свои боги. Экстремистами были и атеисты, и, кстати, в немалом количестве.

— История показывает, что во все времена экстремисты начинали с отвержения личной религиозности.

— Думаю, тут история не погрешила против правды. Наш только что прошедший столетний юбилей достаточно убедительное тому подтверждение.

— Откуда он, в конце концов, берется? Не аист же приносит его в клюве.

— А что вы сами думаете об этом?

— Неожиданный вопрос. Попробую ответить... Я бы сказал, что адепты экстремизма подменяют присущее человеку чувство справедливости собственным представлением о том, какой эта самая справедливость должна быть.

— Ваша мысль нуждается в уточнении. Представление о справедливости имеет каждый. Но не каждый при этом хватается за топор, или берет в руки автомат, или дает команду на пуск ракеты,

чтобы утвердить на земле свое представление о справедливости. Большинство так и живет — с собственным представлением: никому его не навязывая насильно или, в идеале, легализуя его посредством принятых в обществе законных норм и обычаев.

— Согласен, отец Андрей. Но у тех, кто «хватается за топор», вероятно, должен быть какой-то импульс?

— Разумеется. У кого-то это может быть импульс внутренний, связанный с особенностями конкретной личности, воспитания, среды, в которой эта личность формировалась. Кому-то достаточно импульса внешнего. Тут как раз очень к месту скандальная история с пресловутым фильмом. Все, что с ним и вокруг него происходит, скажу со всей убежденностью, нам навязывают.

— Навязывают?

— Именно. Такая реакция нам не свойственна. Мы не любим бить витрины, убивать людей, а потом размышлять по этому поводу... Думаю, здесь имеет место некая стратегия внедрения в нашу среду того, что нам не присуще. Как это достигается? Способов — тьма. Существуют специальные технологии. Через эмоциональное возбуждение людей, через вторжение в наиболее восприимчивые сферы социальной ментальности...

— Кем навязано?

— Не знаю. Лично мне имя навязывающего неизвестно. Но от того задачи и цели явления не умаляются. Русские и украинцы уже в конфликте. Часть дела сделана. Но это только часть. Главная цель пока не

достигнута. Нужно, чтобы русские воевали с русскими. Ты за «Матильду», а ты против «Матильды»... А этот против евреев, а я за евреев... Последнее — особенно опасная тема. Она занимает в нашей истории не одну страницу. Причем, вовсе не евреи заполняли эти страницы, и потому они не понимают, в чем их вина. Но если сегодня вдруг всколыхнется нечто подобное, они, евреи, вновь попадут под раздачу. А поскольку существует некий сценарий, или, говоря современным языком, алгоритм действий, «выступление на бис» не исключено. Нужно заострить людей на войну с теми, кто якобы душит нашу идентичность.

— Идентичность — это соответствие, подобие, тождественность. Наша идентичность — православных — может быть одна: идентичность образу Божию. А это, насколько я понимаю, задача не социальная, но сугубо индивидуальная.

— Сценаристы, поверьте, так высоко не забираются. Им чего-нибудь попроще: автомобиль поджечь, погромчик затеять... Я считаю, это — бесовское занятие, и православным нужно быть очень спокойными. Мы пережили вещи куда страшнее. В храмах размещали коровники, психушки, в лучшем случае музеи или клубы. Повсюду оскверняли святыни, громили иконостасы, жгли иконы... Мы пережили это? Пережили. Мы пережили много других страшных событий, касающихся общественной жизни верующих: невозможность выступать публично, то есть свидетельствовать свою веру, пережили цензуру... Думаю, и «Матильду» переживем. Это не гениальный фильм, не Тарковский, не Бергман, не Курасава...

— К счастью.

— К счастью. Пришел на экран — и уйдет с экрана. Так что переживем и это.

— Но почему такая острая реакция?

— У кого? У Церкви? Нет ее, этой острой реакции. У государства? Тоже нет. У правоохранительных органов? Выходят сотни тысяч на митинги? Нет же! Кучка оголтелых как с одной, так и с другой стороны. Ну, побузят, попопируют друг другу кровь... Что дальше?

Но важно понимать: это – именно технология создания конфликтов. То есть явление не духовное, не сердечное, но вполне рукотворное, если хотите, своего рода ремесло, профессия. В данном случае – технология ссоры православных с неправославными плюс ссора православных одних и православных других. Забрасываются блёсны: «А вы что скажете?», «А вы как скажете?»... Это и есть забивание клина в наше сообщество.

– **Отрешимся от фильма. Он действительно не стоит того. Но можно считать, что коллизия вокруг него отражает определенное явление? Оно-то заслуживает внимания? В начале нашего разговора вы произнесли слова «кривая вера». Я напомнил о них к месту?**

– И даже очень. Чем больше наши православные правдорубы пребывают в уверенности, что они-де единственные, кто правильно исповедует Христа, а все остальные должны по этой причине брать с них пример, тем ближе они примыкают к первоисточнику явления, название которому экстремизм. Просто в этом случае он покрыт религиозным флёром. Ведь экстремизм – это не только взрывы, убийства, заложники и прочее. Всё перечисленное – крайние, наиболее извращенные его формы. Но окрик в храме: «Не смей ставить так свечу!», «Ты почему в брюках пришла в храм?» – это, извините меня, тоже экстремизм. Потому что такое поведение предполагает, что один уверен в своей правоте и потому может командовать другим и заставлять его делать так, а не иначе. Это и есть то, что я называю кривой верой. Она очень лукава, кривая вера. Прежде всего тем, что живущий ею тоже становится кривым, но не видит этого, поскольку кривизна эта не внешняя, а внутренняя, это кривизна души. Ни в каком обычном зеркале она не отразится – только в зеркале души, то есть в Церкви, у Бога и представителя Его – умного и тонкого духовника. Но беда в том, что «кривославный» – назовем его так – становится еще и туговат на ухо, хоть и имеет уши. Кривая вера возжигает в человеке гордыню, лишает способности критически смотреть на себя. Там, где кривая вера, там обрядоверие, суеверие, внешнее соблюдение правил церковного поведения, но там нет внутренней духовной глубины, нет глубокого знания и понимания своей веры и, что особенно печально, нет к этому и стремления.

– **Знакомая и, увы, малорадостная картина. Как можно этому противостоять?**

– Пусть не покажется странным, но обращусь... к исламу. Всем нам знакомо слово «джихад». Но, к сожалению, далеко не все знают его подлинное значение. Я, не смущаясь, пользуюсь этим термином, поскольку мы живем в мире, где слова и понятия легко выдергиваются из разных культурных контекстов. Поэтому и я смело использую слово «джихад». Но не для того, чтобы покоробить чей-то излишне восприимчивый слух, а для того, чтобы вскрыть серьезный смысл, в этом слове содержащийся. Итак, джихад – это усилие, напряженный, целенаправленный труд (он может выражаться также и в войне, но не только). Мусульмане говорят, что пророк Мухаммед, вернувшись с битвы, сказал: «Мы совершили малый джихад. Теперь займемся большим». Это означало: «Мы воевали и победили. Это – малая война. Теперь будем бороться с собой, со своими недостатками. Это – большая война, большое усилие». Вот ответ на ваш вопрос. И это говорит религия, которая значительно моложе христианства, которая во многом стала ее преемницей, многое заимствовала из нее, и в частности необходимость борьбы со своим ветхим человеком – как главную задачу.

– **Согласен: это – стратегия, и, как любая стратегия, она не реализуется в одночасье.. А можно назвать тактику?**

– Конечно. Это – мудрость. Не кулак – именно мудрость. Ведь Церковь – больша-а-а. Она терпелива и спокойна. Она длится тысячелетия. У нее, если так можно сказать, протяженное сознание. Сознание Церковное – оно длинное, большое. И нам нужно быть такими же.

– **А как быть с сознанием более коротким – с сознанием отдельного человека? Он восприимчив к оскорблению его чувств верующего. Хотя лично я это понимаю с трудом. Мои чувства верующего такая мельтешня и суета оскорбить не могут.**

– И прекрасно! Так и должно быть.

– **А эти волны религиозного или антирелигиозного негодования – скорее повод поднять очередную бузу.**

– Согласен с вами. Если я верую, меня не оскорбишь. Что кто-то бы там ни сплясал, или изобразил, или спел...

– **Образно говоря, ты сам от своих слов оправдаешься и сам от своих слов осудишься.**

– Абсолютно верно. Верующего поколебать невозможно. Если он действительно верует, а не ему кажется, что он верует, да еще лучше других.

– **О религиозном экстремизме применительно к православию заговорили относительно недавно. Позже, чем, скажем, об исламском экстремизме. Современный исламский радикализм, мне кажется, очень далек от подлинного ислама. Если говорить прямо, он просто не имеет к нему отношения. Это бандитизм чистой воды, который прячется под религиозным зонтиком.**

– Я тоже так считаю. Все, что ведет к пролитию крови, к несчастьям, разрушениям, все это не имеет отношения ни к одной из традиционных, или мировых, религий. Любовь, труд, мир, согласие, уважение к человеку – вот основы любой религии. Нет религий, которые говорили бы иначе. ИГИЛ – это никакая не религия. Это скотство, зверство, разбой, прикрытые религиозной фразой. Не случайно ИГИЛ запрещено у нас.

– **Обострение, которое происходит сейчас у нас... Я имею в виду – на религиозной почве. Не хочется бросать камень в адрес оппозиционеров православия. Но положи руку на сердце – не от них ли исходит начальный импульс нестроений? Я понимаю: искусство по самой природе своей провокативно. Но не сознательно ли порой преступается некая грань в том, что касается веры? Внешне все может выглядеть вроде бы пристойно, но по сути напоминает щекотание соломинкой ноздрей спящего льва. Чем одавленное художник, тем элегантнее это делается. Но стоит льву чихнуть, а уж тем более рывкнуться, как в ответ раздается крик: «Караул!».**

– Сранение образное, но близкое к истине.

– Возникает своего рода амплитуда: чем одни левее – тем правее другие. Все равно как угол падения и угол отражения, которые всегда равны.

– Согласен и с этим. Но добавил бы: в нашем с вами случае углу отражения не стоит уподобляться изначальному углу – углу падения. Падение – это всегда плохо. У духовной геометрии другие законы.

– **Благодарю вас, отец Андрей!**

– Храни вас Господь.

*Собеседник отца Андрея Ткачева –
главный редактор журнала
Павел Демидов*

От высоты религиозных идей у иных голова крутом

*Сегодняшний гость «Лампады» – психолог Марина Сульдина.
С ней беседует главный редактор Павел Демидов*

– Мне кажется, прежде чем начать разговор о предмете нашей встречи – главной теме номера, стоит остановиться на том, что такое экстремизм в принципе. Где истоки этого явления? В характере человека? В темпераменте? В воспитании? Или это особенность психики? Что вы думаете об этом?

– Говоря об экстремизме, чаще всего подразумевают под ним социальное явление. Но, конечно, он имеет и психологическую подоплеку. Экстремизм всегда связан со специфической идеологией, с крайними убеждениями, которые резко выбиваются из принятых в ментальности данного социума. У религиозного экстремизма это – связь с отдельными направлениями, положениями, вырванными из контекста той или иной религии, которые его адепты ставят во главу угла. Эти положения к тому же агрессивны, грубо навязываются, претендуют на то, чтобы стать обязательными для всех.

– Но откуда он возникает?

– Причин или источников, называйте как хотите, – масса. Провоцирует в людях экстремистские мотивы зачастую низкий уровень жизни, плохая социальная защищенность, отсутствие перспектив и возможностей традиционным, здоровым способом реализовать себя. Это может порождать апатию или агрессию, алкоголизм, наркоманию, асоциальное поведение и часто приводит к появлению радикальных взглядов. Если прибавить сюда низкий уровень образования, то ситуация совсем печальная – ведь именно образование, даже если всё остальное в упадке, может помочь человеку увидеть какие-то возможности и перспективы в своей жизни. Что важно: образование формирует осмысленное отношение к самому себе. Человек начинает анализировать свои убеждения и критически к ним относиться. Такого человека куда сложнее заманить в привлекательную с виду идеологию: он в состоянии понять ее истинную цену. Экстремизм невозможен без фанатизма. Например, религиозный экстремизм невозможен без религиозных фанатиков. А фанатик – это человек, у которого, по сути, отсутствует критическое мышление.

– Но фанатик – не обязательно экстремист.

– Совершенно верно. Как и экстремист – не всегда безусловный фанатик.

– Поясните, пожалуйста.

– Экстремисты часто используют для своих целей фанатиков, сами не будучи таковыми.

– Это – очень важное замечание. Оно особенно характерно для религиозного экстремизма, не так?

– Пожалуй. Лидеры экстремистских движений, деструктивных сект – это часто люди с весьма ущербной нравственностью, очень расчетливы, властолюбивы, жадные до материальных благ. Они не всегда религиозны, причем скрывают это. А склонные к религиозности люди часто очень доверчивы и легко попадают в ловко расставленные сети. Эти движения не могут быть уделом отдельных людей, они вырастают в социальную проблему и становятся опасными для общества.

– Корыстолюбие – видимо, не главная мотивация лидеров экстремистских движений и группировок.

– Разумеется. Главная – стремление к безраздельной власти. Довольно часто эти личности обладают психопатическими чертами. Они глухи к голосу своей совести и не останавливаются практически ни перед чем. Таких людей очень мало, но они обладают притягательной силой и, если становятся во главе какой-то организации, могут натворить много страшных вещей.

– Почему так живуча идея экстремизма? С ним борются, уничтожают, а у него, как у сказочного дракона, вместо одной отрубленной головы вырастают две.

– Благоприятная питательная среда. Социально-экономические причины усугубляются свойственными нам всем психологическими проблемами. Если посмотреть на человеческое общество глазами психолога, то увидим, что мы все достаточно тревожные люди. И у очень многих тревога выливается в неврозы. А невроз – это, коротко говоря, форма бессознательной защиты от окружающего дискомфортного мира. Для не-

вролика очень важно защититься от его тревоги. Говорят, что невротик смотрит на мир через мутное стекло. То есть он не хочет видеть реальность такой, какая она есть в действительности. Допустим, мужчина боится заболеть раком. И каждый день методично выполняет какие-то профилактические действия. Нужно сказать, это весьма распространенная категория людей – так называемые ипохондрики. Они боятся заболеть и при малейшей, как им кажется, опасности бегут к врачу.

– Ого! Можно сказать, весь мир болен.

– К сожалению, нельзя сказать иначе. Почти все мы в той или иной степени подвержены разным неврозам. Например, человек, боящийся заболеть меланомой, может каждый день с лупой изучать на себе каждую родинку, он постоянно читает какие-то медицинские статьи по раку кожи, следит за появлением новых лекарств, и ему кажется, что таким образом он создает себе подушку безопасности. Он думает, что никогда не заболеет, потому что постоянно на чеку. Это его мир, который, как ему кажется, он сделал безопасным. Но именно потому что он постоянно сосредоточен на поиске родинок, он иногда пропускает симптомы настоящей болезни (например, он может не заметить, что потерял в весе или долго кашляет). Вот и выходит,

что из-за искаженной картины мира не видишь мира реального.

– **Но это вряд ли можно считать экстремизмом.**

– Разумеется. Это природа невроза. Невротик-ипохондрик защищается от тревоги, когда рассматривает свои родинки. А невротики-фанатики защищаются другим способом – он пытается опереться на какие-то «крутые» многообещающие идеи и на значимую фигуру, которая сулит ему «Царство Божье на земле» – то есть на своего лидера. Эти идеи привлекательны своей простотой. В сложном мире тревожно жить, а задача невротики – от тревоги спастись.

– **Вы сказали: невротики хотят видеть мир не таким, каков он есть. Или он хочет сделать его таким, каким он его представляет?**

– Невроз, как я уже сказала, может принимать очень разные формы. Скажем, в случае ипохондрии человек мучает, в основном, только себя и иногда близких. А фанатик-экстремист хочет именно переделать мир по своему разумению. Как правило, в этом процессе страдают или гибнут невинные люди. Такие фанатики делали Октябрьскую революцию 1917 года. Они не думали, как обойтись меньшим кровопролитием, как избежать голода и разрухи – их волновали только их собственные цели. «Мы наш, мы новый мир построим», а какой ценой – неважно. И цена оказалась страшной, как мы знаем.

– **Они тоже религиозные экстремисты: ведь их идеи – это их религия.**

– В общем, да.

– **Но они одновременно еще и невротики, так?**

– Одно без другого не бывает. Религиозный фанатизм (на почве которого вырастает религиозный экстремизм), как и другие деструктивные, невротические формы веры, – это тоже проявление невроза. Деструктивных форм веры достаточно много (они подробно описаны такими современными исследователями, как Наталия Инина и Борис Братусь). Например, суеверие. Черная кошка, перебежавшая дорогу, сегодня, возможно, вызовет скептическую улыбку, но далеко не у всех. Человек, даже считающий себя верующим, может не доверять Богу, но верить в приметы – он ставит происходящее в зависимость от определенных условий: вот если я плюну через левое плечо, или пойду с правой ноги, или сделаю что-то еще, тогда у меня все будет хорошо. И это тоже такой способ защи-

ты от тревоги. Казалось бы, это далеко от предмета нашей беседы, но в действительности очень близко. Суеверный человек, как и фанатик, как и человек, находящийся во власти какого-то предрассудка, – благодарный объект для манипулирования им, в том числе и с неблагоприятными целями.

– **Суеверие и предрассудок не очень далеко ушли друг от друга?**

– Как вам сказать... Суеверие – это какая-то суетная, мелкотравчатая вера. Предрассудок – то, что предваряет рассудительность, работу ума, тупая убежденность. Например, я могу считать, что все люди другой национальности плохие. И не хочу ни в чем разбираться, изучать, исследовать. Не хочу анализировать конкретных людей. При таком подходе мир становится мне понятным. Так мне спокойней и, значит, безопасней. Суеверие и предрассудок роднит то, что они оба одинаково деструктивны. Что же до фанатизма – это третья форма деструктивной веры, самая страшная. Агрессивная ксенофобия, расизм, антисемитизм – это всё вариации фанатизма. Фанатик такого рода уверен, что если он уничтожит или как-то притеснит непохожих на него, не таких, как он, то всё в его жизни наладится. Что характерно: фанатику зачастую важно иметь перед собой образ врага, который якобы мешает достижению его целей. Это тоже форма защиты от тревожащей действительности, упрощение этой действительности. В самом деле, то было непонятно, почему всё так плохо и несправедливо, а теперь всё понятно – виновные в «мировой несправедливости» найдены, осталось их уничтожить, и «счастье для всех» гарантировано.

Вообще, конечно, тревога присуща нам всем, но в силу разных причин у кого-то она приводит к вот этому – формированию образа врага. Фанатизм для таких людей становится своего рода защитой, орудием против страха. Для религиозного фанатика очень важно, чтобы возле него находилась сильная личность, к которой он мог бы присоединиться.

– **То есть это, как правило, ведомый, а не лидер.**

– Движение как раз и состоит из ведомых. Лидеров – единицы. Они либо генерируют идеи и программы, либо руководят их реализацией.

– **Насколько типично для фанатизма считать инакомыслящих врагами, но при этом не быть агрессивным?**

Допустим, кто-то фанатично исповедует свою веру, какие-то идеи – и с него этого довольно.

– Не очень типично. Это с предрассудками можно оставаться достаточно мирным человеком. Но если речь идет уже о фанатизме, то он, как правило, разрушителен. Поэтому и может приводить к экстремизму.

– **Можно назвать их синонимами?**

– Лично я так бы не сказала. Экстремизм – это все же скорее социальное явление, а фанатизм – психологическое. В чем-то они смыкаются, но не текут в одном русле. Откуда агрессия? Прежде всего – повторяюсь – от мучающей тревоги. Человек пытается защититься с помощью притеснения или уничтожения других. Если для нормального человека опасность представляет мчащийся грузовик, то для фанатика опасен человек с другим мировоззрением. Эти люди живут и действуют по примитивной схеме: «свой – чужой».

– **Представляю, как трудно с такими людьми уживаться.**

– Но они сами редко способны строить близкие отношения и потому к этому не стремятся. Одно только это говорит, насколько они далеки от конструктивной, правильной веры. Основополагающей, скажем, в христианской вере является любовь, а эти люди не могут любить, потому что не хотят, боятся увидеть и живого Бога, и живого невыдуманного ближнего. Это связано с тем, что они боятся увидеть самих себя в истинном свете. Религиозный экстремист любит абстрактно – абстрактного Бога, Бога, которого он сам себе выдумал. А раз нет любви, он по сути своей – одинокий волк, которому никто не нужен. Люди для него – лишь материал, инструмент к достижению своей цели. Там, где религиозный фанатизм, нет любви, там правит эгоцентризм и циничное равнодушие к окружающим.

– **Религиозный фанатизм, экстремизм теперь почти неотделимы от эпитета «исламский». Но это же не имеет никакого отношения к подлинному исламу. Это скорее псевдоисламский экстремизм. А проще говоря, крыша для элементарного бандитизма.**

– Я предполагаю, что главари действительно далеки от истинной веры. Но вербуют они в свои ряды людей, которые очень уязвимы, и, я бы сказала, религиозно чувствительны. Это в какой-то мере отвечает на вопрос, почему человек, который вроде бы живет как все, нормаль-

но социализирован, вдруг становится террористом. Обработка идет как раз на уровне психологическом, который лишь прикрывается религиозным камуфляжем. Они давят на самое уязвимое в этом человеке – на ощущение им своей неполноценности, невостребованности, ненужности. А религиозность вербальных людей – очень удобная пропагандистская подстилка: тебе, мол, воздастся в твоей будущей жизни, если ты свою настоящую жизнь проживешь достойно – например, войдешь в вагон метро и взорвешь неверных.

– **Можно сказать, что в последнее время религиозный фактор стал для многих объединяющим?**

– Можно. В самом деле, стоит задуматься, почему именно религия становится флагом, под которым любят ходить люди с серьезными внутренними проблемами.

– **В самом деле, почему?**

– Дело в том, что едва ли не все идеи и лозунги, лежащие вне религиозного поля, порядком девальвировались и уже не обладают прежней притягательностью. А то, что предлагает религия, в частности христианство, очень высокого порядка, это очень сильные идеи, и потому человек, который принял их, чувствует себя защищенным. Другой вопрос, что он эти идеи извращает на свой лад. Например, говорит, что христианин, но при этом готов кого-то убить или сжечь. В голове у такого человека это как-то умещается и не противоречит друг другу. Конечно, такая «религиозность» бесконечно далека и от христианства, и от ислама.

– **А что вы можете сказать о нашем православном экстремизме, который в последнее время особенно активизировался? Не кажется ли вам, что люди православной веры потенциально склонны к фанатизму? Эта мысль невольно приходит в голову, когда видишь сумрачных, с поджатыми губами и мрачным выражением лица прихожан. Они очень серьезно занимаются соблюдением обрядов, если встречаются с нарушениями, жестко стараются их пресекать. Возможно, мои ощущения обманчивы...**

– Православию, мне кажется, все же в меньшей степени, чем исламу, свойственна склонность к экстремизму. Мусульмане – поскольку, как правило, это жители Востока, – просто по своей биологической природе весьма темпераментны, и это неизбежно катализи-

рует происходящие в этой среде процессы. Разумеется, это не единственная причина, но она объективна и многое определяет. Что касается православного народа, а это в основном русскоязычные, здесь имеет место некое мысленное самобичевание: «Я недостойн», «Я плохой», «Я такой-сякой»... Вероятно, это есть и в исламе тоже – я уверенно говорю про православных, потому что это действительно можно у нас наблюдать сплошь и рядом. Эта внутренняя установка внешне проявляется в отмеченной вами форме и аналогично проецируется на окружающих. К сожалению, такое самоуничтожение не всегда действительно приводит к духовному перерождению, к каким-то хорошим духовным последствиям. Может произойти прямо противоположное: возникнет как раз сильная тревога, а следом агрессия и против себя, и против других тоже. «Вы, мол, требуете, чтобы я был хорошим, но вы посмотрите на себя!». А накопленная масса агрессивного начала неминуемо должна найти выход. Оправдать выплеск агрессии на ближнего можно тем, что он, как мне показалось, «против Христа». Результаты нам хорошо известны. Явления такого рода довольно легко находят последователей: кто-то начинает опасаться, как бы его не заподозрили в «слабой вере» и спешит громко подать свой голос, и таким образом создается «эффект массовости».

– **Нет ли причинно-следственной связи между первым и вторым? Я имею в виду своего рода цепную реакцию: от одного исходит импульс – стремление показать свою православность. А другой подхватывает. Чтобы не подумали о нем плохо.**

– Такое вполне может быть. Это все из той же кассы – кассы неврозов. Свой истинный образ человек подменяет образом вымышленным: вместо того, каков он есть, – каким его хотели бы видеть другие, да и он сам. И иного он не хочет, ибо тогда начнется тревога: как же так, я не настоящий верующий?.. Поэтому он активно защищается, например, от тех людей, которые могут ему на это указать, и избирает модель поведения, которая, как ему кажется, свойственна настоящему верующему.

– **Вы справедливо, на мой взгляд, говорили о склонности православных к самоуничтожению. Наверное, это отражается и в таинстве Покаяния?**

– Об этом, наверное, лучше сказал бы исповедующий священник. Миря-

нин может говорить исходя лишь из своего опыта. В целом же в православии уделяется пристальное внимание покаянию. Что такое подлинное покаяние? Что такое как бы покаяние?.. Человек приходит на исповедь и от раза к разу повторяет одно и то же. Не только потому, что все мы повторяем грехи, но и потому, что надо что-то говорить, не молчать же! И в итоге покаяние бывает неискренним. Это как будто я раз за разом натягиваю на себя одежду не по размеру. Получается ложь и себе, и священнику, и – самое главное – Богу. Ложь и самообман обладают свойством накапливать в человеке внутреннее напряжение. Когда оно достигает критической массы, происходит выброс отрицательной энергии. А результаты могут быть самыми разными, в том числе в крайних случаях это может приводить к экстремизму.

– **Сдержанная позиция, которую занимает наша Церковь по отношению к проявлениям экстремизма в среде православных, достаточно, на ваш взгляд, адекватна происходящему?**

– Возможно, что сдержанное отношение Церкви наиболее точно отвечает сегодняшним реалиям. Но иногда, конечно, хотелось бы какой-то более внятной позиции. Хотелось бы, чтобы эта позиция озвучивалась на более высоких уровнях, а не как частные мнения священников, пусть и очень видных. Долго ли может длиться эта сдержанность и как далеко, пользуясь этим, могут зайти наши в каких-то случаях герои?

– Так недолго превратиться в надзирателя, который следит за любым нарушением. Наверное, это скорее забота приходов. Когда возникнет явление – дело другое. Пока все это больше проявления.

– Да, я тоже пока не вижу какого-то серьезного экстремистского течения. Есть тревожащие моменты, которые могут провоцировать экстремизм. Хорошо, что реагируют общественность, правоохранительные структуры, радует, что и реакция многих представителей Церкви сейчас вполне адекватна.

– **Подобные явления были всегда. В той или другой форме возникали все две тысячи лет существования христианства. Всегда были и психи, и экстремисты, и несогласные. Тем не менее, Церковь устояла и ничего с ней не стряслось. Надо думать, так будет и ныне, и присно.**

– Аминь!

Скажите, пожалуйста...

 <i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i>	<u>Валерий Яковлевич Нурждаев</u> фотограф	<u>Ольга Козэль</u> филолог	<u>Вячеслав Николаевич</u> пенсионер
			
Вы считаете себя конфликтным человеком?	Средне. И да, и нет. Я могу конфликтовать, если это принципиально важно для моих устоев, а так безразлично ко всему отношусь.	Безусловно нет. И окружающие считают так же. Хотя иногда мне стоит немалых сил избежать конфликтной ситуации.	Нет. Я стремлюсь к миру, к решению вопросов, которые возникают в нашей сложной жизни, мирным путем.
В каком случае вам может изменить выдержка?	Сложно сказать. У меня это было раза три-четыре за всю мою жизнь, но те, кто этого добился, – им мало не показалось.	Выдержка может изменить мне, если я доведена до крайности. Или в случае, когда терять все равно нечего.	В случае предательства. Если человек, который был близок, дорог, вдруг не оправдал моих надежд, я постараюсь понять его и все решить мирным путем.
Что вам дороже: мир или правда?	Скорее всего, мир.	Все зависит от конкретной ситуации. Но, думаю, мир ценнее правды.	Эти слова включают в себя разные понятия. Мир – это отношения между людьми, а правда – это стремление к истине. И чем дорожить – правдой или миром – зависит от ситуации.
Кого вы назвали бы своим врагом?	Тех, кто против устоев Церкви.	Я ни с кем никогда не вражду. Если человек причинил мне боль или совершил подлость, просто стараюсь держаться от него подальше.	Своим врагом я бы назвал без сомнения тех человекообразных, которые свою жизнь посвятили злу и договориться с ними невозможно.
Зависит ли ваше отношение к человеку от того, какую веру он исповедует?	Нет.	Нет, не зависит.	Нет, не зависит, потому что вера не всегда определяет человеческое достоинство. Отношение к человеку у меня строится по деяниям его.
Когда можно оправдать религиозный экстремизм?	Никогда. Я сталкивался с этим вплотную. Как правило, религиозный экстремизм присущ людям очень недалеким. Я с такими достаточно часто встречался, особенно в монастыре.	Не знаю, не знаю. Может быть, и никогда. Тут важно понимать, что мы подразумеваем под экстремизмом – убийство неверных, теракт или все-таки менее страшные вещи.	Экстремизм как явление нельзя оправдать. Однако, когда обижают веру, нельзя путать экстремизм с ее защитой, потому что истинная вера – это путь к миру.

<u>Светлана Железняк</u> директор воскресной школы храма иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине	<u>Валентин Иванович Николаев</u> пенсионер	<u>Татьяна Гавриловна Петрова-Латышева</u> художник	<u>Федор</u> студент
			
В жизни трудно избежать конфликтов. Однако я не могу назвать себя конфликтным человеком. Пытаюсь всегда понять ситуацию, прошу у Господа помощи разрешить ее с миром.	Я считаю себя неконфликтным человеком. Но я нетерпим к глупостям, невежеству, упрямству и экстравагантности под видом какого-то юмористического беспредела.	Скорее, нет. Я не люблю конфликтов, но они вокруг меня возникали. Я старалась в них не вступать и из них выходить.	Нет, я не считаю себя конфликтным человеком.
Может вывести хамское поведение, неправда, хуление Церкви и Бога. Трудно проявить именно праведный гнев. Да и не хватает, наверно, во мне мудрости и простоты.	Выдержка мне может изменить, когда я увижу, что совершеннейший дурак мнит себя умницей, а умный человек опускается до того, чтобы казаться дураком.	Когда вижу, как обижают слабых. Когда обижают ребенка, старика, здесь может изменить выдержка, буду заступаться.	Случаев, в которых мне может изменить выдержка, по моему мнению, не бывает.
Правда Божия. Чудный союз милости с правдой видим в образе действий Господа Иисуса Христа.	Мне дороже правда, переходящая в мир, и мир, переходящий в правду. Это как будто гантели. Если на одной чаше весов мир, на другой обязательна должна быть правда.	Правда.	Для меня мир дороже, чем правда.
Для христианина есть только один враг – враг рода человеческого, противник и клеветник Бога, диавол и служители его.	Человека, который заострен на непонимании. Из него ничего не сложится. Я за то, чтобы человек был понимающим. Гомо сапиенс, короче говоря.	Собственную невыдержанность, собственное несовершенство.	На данный момент врагов у меня нет.
Каждый человек несет в себе образ Божий, и заповедь любви не имеет границ. Неприятие только к еретическим заблуждениям, несогласие с ними.	Да, зависит. Если под верой иметь в виду религию, я, конечно, дитя России, я человек православия. Если речь о вере вообще, есть единственная вера вообще у человека – верность присяге.	Нет. Граница проходит по добру и злу, а не по вере. Бог есть любовь, а вырезают друг друга за то, что человек по-другому крестится или по-другому молится. Я этого не приемлю.	Нет, мое отношение к человеку не зависит от его вероисповедания.
Нельзя оправдать. Экстремизм всегда имеет антиобщественный, насильственный характер, что недопустимо.	Религиозный экстремизм оправдать нельзя. Никогда!	Никогда. Когда убивают детей, младенцев, как у Достоевского – что ни одна слеза ребенка не стоит всех благ мира, поэтому любовь и жизнь выше любой абстрактной идеи.	Никакой экстремизм не может быть оправдан.

Сын радости

Валентин Курбатов в этнографическом парке истории реки Чусовая

С порога надо объясниться – почему для воспоминания о Сергии Радонежском я избрал именно книгу русского эмигрантского мыслителя, историка русского религиозного возрождения XX века, доктора филологии и доктора богословия Оксфордского университета Н.М. Зернова*. Ведь Русская Церковь накопила огромную житийную литературу о преподобном Сергии. И многие из книг прекрасны, начиная с первого Жития, написанного современником и учеником Сергия Епифанием, как раз за этот труд названным Премудрым. И жития, писанные Пахомием Логофетом, московскими митрополитами Платоном и Филаретом, историками А.Н. Муравьевым и Е.Е. Голубинским. А вот все-таки – Зернов.

Дело в том, что те книги написаны изнутри Церкви и они прежде всего нравственно назидательны и призваны возжигать благочестивую ревность. Или, как писал в 1904 году автор наиболее полного Жития, подготовленного к 500-летию преставления Преподобного, иеромонах (впоследствии епископ) Никон (Рождественский), заставить читателя «забыть окружающую суету земную, перенестись мыслью и сердцем в отдаленную по времени, но тем более близкую нашему сердцу древность, подышать благоуханием молитв Сергиевых, насладиться созерцанием его боголюбезного смирения».

А Зерновым при мысли о Сергии двигало нечто более жесткое, чем забвение «окружающей суеты земной». «Суета», побудившая его сесть за книгу, звалась страшнее и не давала себя забыть даже в благополучном изгнании

(«благополучного изгнания я снова чувствую покров» (В. Набоков)). Он пишет ее в час, когда «легкомысленная, скептическая и зачастую циничная атмосфера предвоенных годов быстро улетучивается, когда поверхностный оптимизм либерального гуманизма рассыпается в прах перед картиной человеческой греховности, порочности и жестокости».

На дворе заканчивался 1938 год. Германия и Советский Союз оказались в горниле «тоталитарного эксперимента», выходы из которого были еще далеко, а соблазны еще так сильны, что автор в первой же главе прямо с первой страницы напишет фразу, немыслимую сегодня ни в одних устах: «Никто не спорит, что тоталитаризм, окрашен ли он в коммунистические, фашистские или национал-социалистические тона, дал мощный импульс для жизни всего человечества и внес в нее ряд улучшений».

Вот так – «никто не спорит» и «мощный импульс для жизни!» При

«человеческой греховности». Это несчастье дипломатии, в которую загоняется человек на роковых порогах. Со зверем еще надеются договориться, раз уж он подмял жизнь, и надо не уступить ему последнего – духа. Хотя уже ясно, что отвергнутая теми, кто «не спорит», свобода потребует выбора – от чего-то надо отказываться: от религии или от общества, в котором она невозможна. А такой выбор неизбежно трагичен, потому что лишает человека его целостного, то есть попросту человеческого естественного, существования. «От верующих ожидают, – с горечью пишет Зернов, – немедленного выбора в пользу либо антихристианского тоталитаризма, либо нехристианской демократии. Мнения как рядовых граждан, так и духовенства безнадежно разделились, и эта разобщенная, растерянная толпа христиан производит впечатление армии без полководца; это соль, потерявшая свою соленость».

Покорение, о котором Зернов много и благодарно писал в прежних книгах, в чьем кругу жил и складывал мировоззрение (эти золотые святцы русской мысли: Н.С. Арсеньев, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, Н.О. Лосский, протоиереи Иоанн Мейендорф, Василий Зеньковский, Георгий Флоровский, Сергей Четвериков), хорошо знало цену свободе и Церкви. Этому славному поколению, словно в воспоминание убиваемой тогда в России мысли и веры, приходилось теперь в изгнании держать мысль в двойном напряжении и постоянном поле молитвы (за себя и оставленных и погибающих товарищей). Искусства молодых исканий, которым они безопасно предавались в России, кончились – пришла пора свидетельства. Так вышло, что они злой волей истории оказались не только в эмиграции, но и как бы в миссии православного представительства. Они были послы православия в католическом и протестантском мире и слышали вызовы мира острее старых и уже академически самоуверенных религий. Они были «моложе» и зорче, потому что хорошо знали страдание бездомности. А оно обостряет восприятие. Они лучше видели за внешним единством «тоталитарного эксперимента» и его

* Зернов Н.М. Сергий Радонежский – устроитель Руси. СПб., Русский мир, 2010.

обманчивым «рядом улучшений» неизбежное распыление человека и повреждение организма жизни. Как знали и искушения безответственной свободы, которая едва ли не опаснее тоталитаризма, потому что в «русском варианте» ставит человеческую жизнь ни во что.

Мы все в России, кто постарше, прошли школу деспотизма и демократии и могли убедиться по цинизму стоящего на дворе дня, что свобода – самое неопределенное из человеческих слов, выталкивающее человека на ветер. Зная искусы этого пограничья тоталитаризма и свободы, как одинаковых (при отказе от религии) бедствий, Н.М. Зернов и взялся за книгу о преподобном Сергии именно в дни, когда миру было меньше всего дела до Христовых подвижников и, значит, когда они были этому миру особенно необходимы.

Сергий был в этот час фигурой единственно верной, ибо точнее всего ставил вопросы о смысле власти, силе смирения и вере в Троицу как центр человеческой целостности. Мир стоял на пороге великой войны, когда жизнь делается тонка и ненадежна и ей особенно необходим маяк, якорь спасения, живая опора, несомненный, веками проверенный авторитет.

И вот автор как будто только пересказывает житие по помянутым мной предшественникам, но мы читаем его со странным напряжением и скоро замечаем, что проецируем читаемое во все не на седую древность и даже не на 1939 год, а на стоящий за окном 2017-й. Что с того, что для нас татарское иго Сергиевых времен только страница истории и мы не трепещем, как современники Преподобного, при одной мысли об этом повсеместном враге, с улыбкой защищаясь от нестрашного теперь завоевателя долетевшей из той поры поговоркой о незваном госте, который хуже (мы теперь забавляемся – лучше) татарина? Но разве дело в наименовании врага? И разве тогда люди страшились одной физической смерти? Да, и ее тоже, но больше – того, что человек стал терять себя, что предательство стало естественно, что цинизм и низость, двоедушие и ложь стали условием выживания, что отказ от нравственных принципов сулил преимущества в житейском устройстве. Что стало возможно решать свои проблемы с помощью чужой силы, искать ярлыков на княжение, теснить соседей,

отнимать земли. «Водворилась, – как писал об этом времени великий историк С.М. Соловьев, – страшная привычка не уважать жизни, чести, имущества ближнего». Время «ставило человека в безотрадное положение, делало его жертвою случайностей... Внутреннее, духовное отношение человека к обществу было слабо; все держалось только формами, внешнею силою, и, где эта внешняя сила отсутствовала, там человек сильный забывал всякую связь с обществом и позволял себе все насчет слабого».

В таких условиях даже и чистые сердца заражались унынием, переставали верить в возможность одоления зла. А от этого было недалеко до того, что в дни 500-летия Преподобного другой великий историк, В.О. Ключевский, определял уже с твердостью диагноза: «...беда грозила превратиться в хронический недуг; панический ужас одного поколения мог развиваться в народную робость». Мир стоял на пороге духовного исчезновения уже немолодого европейского народа, исчезновения его с мировой арены.

Не знаю почему, читая об этой дали, вдруг чувствуешь укол совести и видишь цинизм и равнодушие к человеку уже своего времени, его усталость и расчетливое отношение к нравственности. Видишь, как истончается народная крепость и на месте народа является что-то расплывчатое, неотчетливое, ртутно подвижное. У Зернова в одном из примечаний есть такая характеристика: «Русские считаются в Европе (тогда, в 1938–1939 годах. – В. К.) артистичными, ненадежными, почти невротиками, в высшей степени непрактичными, легко увлекающимися экстравагантными теориями и эмоциями». Ну, тогда-то довольно скоро мы показали, что Европа складывала свое впечатление по гастролям Дягилева или нервной волне эмиграции, а народ был в другом духовном месте и скоро спас Европу от «преимуществ» соседского тоталитаризма, ибо был народом, который перед бедой весь стал тем, чего искал Сергий, – цельностью и силой.

А вот сегодня неприятный портрет зерновского примечания опасно близок к тому, что мы действительно из себя представляем, расточаясь из «текста» в «примечания», ибо перестаем быть учениками Сергия в главном – перестаем быть народом, которого он искал.

По напряжению книги, по ее скрытой страстности видно, как Зернов топорился укрепить русского человека перед новым бедствием примером Сергия, уводя из Жития то, что казалось ему на свой час не первостепенным, чтобы кристаллически ясно стало главное. Ведь, подлинно, не чудо ли? – один человек в бедной ряске, всю жизнь тяжело работавший за себя и за братию, не оставивший ни поучения, ни наставления, вооруженный одной лишь любовью ко Христу, вырос в такую меру, что целый век в России стал зваться *веком Сергия Радонежского*. Автор для того и отходит от прежних житий с их «плетением словес», с их гимнами и акафистами (которые, впрочем, диктовались тоже не одним тяготением к красному слову, а высотой благодарности, силой Любви и единством Христовой веры), чтобы в жестокий век расчета и раскидывающего сети холодного разума выделить в Житии то, что всегда современно, строительно, духовно необходимо. Почти «технологии» ищет, законов сопротивления духовному равнодушию и усталости. Пытается понять, какой силой один человек в глухом лесном монастырьке смиряет воинственных князей, собирает народное сознание в потерянное было единство, воскрешает дух сопротивления. И, в конце концов, строит русского человека перед Богом таким, каким он и замыслен в саду других народов, с его простотой, спокойствием, трудолюбием, бесстрашием в следовании Истине, в скромности и духовной чистоте.

Он пишет икону Сергия как икону народа, чтобы человек узнал себя в своем лучшем и не уступал его. Для этого ему не надо было оглядывать весь исторический фон, напоминать о «возрождении Палеологов» в Константинополе, об исихастах Афона, о том, что отец Георгий Флоровский, говоря о той поре, звал «переводческим возбуждением», когда в русскую книжность приходят Василий Великий, Исаак Сирийский, Иоанн Лествичник, Максим Исповедник. Сергий был хорошим читателем святых книг, умел черпать в них силу. Но, как верно чувствует Зернов, не это определяло его дух и победу. Не ораторство, не богословское художество, не книжное списание, которое Преподобный поощрял, а простота примера, упование на Божью помощь не в слове,

а в прямом слышании Бога и в живом чувстве святой Троицы как реальности более подлинной, чем сама реальность.

Книжных-то знатоков у нас всегда было много, а уж во времена Зернова «интеллектуальное православие» было просто русской славой. А вот собрать народное сердце ему было не под силу, что так скоро доказала русская революция, не заметив духовной высоты тогдашней мысли, не услышав ее.

Ну, тут, конечно, и того не забудешь, что в Сергиевы дни небесный язык еще был общим князю и смерду и оппоненты Сергия и его дела (как князя Нижнего Новгорода, способные погубить город распрями о первенстве, или строптивый князь Олег Рязанский, готовый с татарами против Димитрия идти за свой «суверенитет») власть Бога в нем сразу узнавали. Чудно об этом писал когда-то Д.М. Балашов: «Чем и как убедил князя Олега Сергий? Напоминал ли о разорении москвитями своей семьи, о том, что за частной несправедливостью надо видеть общее и важнейшее... А, может быть, Сергий и вовсе ничего не говорил? А говорил Олег, крупно бегая по княжеской палате, говорил резко, зло, бурно, горько, устало, вдумчиво и вдруг, поднявши глаза – взор во взор, – понял, что прав Сергий, а ему, князю, верующему христианину, надлежит проявить не гнев, но высокое смирение и мудрость, угодные Всевышнему».

Вот это – «взор во взор», когда не обманешь, когда действует не слово, когда довольно сказать: «Иди вперед, и Бог тебе поможет», чтобы слышащий всем сердцем принял всласть сказанного и не устранился выйти в дорогу. Как пошел на Куликово поле Димитрий «под восьмиконечным крестом» против полумесяца уже принятого татарами мусульманства и прямого креста Ягеллы. И не шел ли Сергий на смерть вместе с каждым из ста тысяч погибших в своей молитве на первой страшной Литии, называя их имена в час, когда они падали там, на Поле, и возносились к Небесному Отцу? Он слышал это сыновство и держал Поле и Победу. Он не хотел этой войны, но понимал, как верно пишет Зернов, что «измена истине, отказ защитить слабого чаще становятся причиной духовной смерти, чем участие в вооруженном конфликте».

К этому слышанию надо было приготовить внутренний слух, и автор по-

тому и всматривается не в одни высокие эпизоды жития Преподобного, а смотрит всю полноту жизни, что хочет вернее увидеть тайну этого великого возрастания.

Мы легко поймем (хотя бы умом поймем) первых христианских подвижников Византии, которые бежали, скажем, из столичной Антиохии с ее духовным разложением, со всеми пороками развращенной цивилизации, роскоши и скуки, чтобы спасти в себе человека и, может быть, вымолить у Бога и этот слепой в наслаждении мир или испепелить его пророчеством. А ведь Сергий-то уходил из бедного села, из разоренного дома, уклоняясь даже от налаженной монастырской жизни, потому что и здесь слышал трещину разделения. И как радуется он, что старший брат угадывает желанное ему имя построенной ими церкви – Троицкая, хотя, как пишет в скобках Зернов, это был тогда едва ли не первый в России храм во имя Святой Троицы. Не первый, конечно, сиял уже Троицкий собор в Пскове, но имя, правда, было еще редко среди Софийных, Успенских, Богоявленских, Богородичных храмов, потому что хоть тринитарные споры первых веков как будто стихли, но неуместимость единства Троицы для «здорового» реалистического, полужыского ума еще была очень распространена. Так что и через столетие после кончины Сергия еще будет шатать Россию ересь жидовствующих, не при-
емлющих как раз триничности Бога.

А он именно в Троице видел условие единства государства и человека, государства и Церкви и его искал и нашел в своем сердце и в своей молитве. Как писал позднее отец Павел Флоренский, «преподобный Сергий... строит храм Пресвятой Троицы, чтобы постоянным взиранием на него побеждать страх перед ненавистной разделенностью мира». Он писал это в 1919 году, когда разделение прошло через каждое сердце. Зернов напоминал в 1939-м. Мы слышим в своем 2017-м, когда ненавистная разделенность заявляет себя в каждой утренней сводке новостей.

Сергий, вероятно, первый почувствовал Россию как семью, собирающуюся для Евхаристии. «Его здоровое богословие, – говорит Зернов, – не дает его вести сделаться анахронизмом. Только возврат к твердой вере в Святую Троицу может предотвратить моральную и интеллектуальную дезинтеграцию человечества. Только Соборная Церковь Христова, сосредоточенная вокруг Святого Причастия, может спасти мир от тирании и разрушения. Только смиренные и бесстрашные могут положить конец межнациональной розни и классовой вражде и обеспечить любовное сотрудничество разрозненных представителей человеческого рода». Очевидно, Сергий так мог сказать об этом своей братии и так показать это смиренное бесстрашие, что инок Андрей Рублев однажды (верно, уже после Сергия, но в его дыхании и молитве) напишет свою Троицу такой небесной подлинности, что спорить еще о ее реальности можно было только не зная, не видя этого образа. Как впоследствии, отталкиваясь от Сергиева имени, выставляя себя его учениками, еще продолжать делиться на иосифлян и нестяжателей, выказывая этим только непонимание всей полноты Сергиева урока?

В.В. Розанов замечательно сказал когда-то, что, поживи Пушкин подольше, у нас не было бы славянофилов и западников – стыдно было бы перед радостным пушкинским единством, чье сердце вмещало мир в благословенной гармонии. Вот и тут, предположи мы продление жизни Сергия, и ни иосифляне, ни нестяжатели были бы невозможны – от того же стыда перед святым единством, перед светом явленной учителю Троицы.

Может быть, он вообще один в России и показал полнее всего свет и силу Троицы, как единства земли и неба, Бога и человека, бесстрашия и смирения, терпения и любви. При так понятой Троице, определяющей жизнь и душу народа, государство становится человеческим, входит в евхаристическое целое и из него нельзя уйти даже в монастырь, а можно только привести его к монастырю как школе и спасению. Тогда, как писал протопресвитер Александр Шмеман, «монастырь был не увенчанием христианского мира», а его «внутренним судом и обличением, его совестливым сердцем». Уход в монастырь был уходом в страдание мира, в середину его боли. Поэтому Сергей неизбежно оказывается в горячих точках России, в самый трудный час, когда народ вспоминает себя перед Богом, забывает страх и унижение, распрямляется для долгой исторической жизни, учится нравственной сосредоточенности. Хотя для того же Балашова, например, «не столь уж частые выступления Сергея на политическом поприще были как бы совсем необязательными дополнительными действиями, как для великого художника, скажем, расписать вывеску какого-нибудь трактира». Писатель был намеренно резок в сравнении, чтобы подчеркнуть, что главное дело Сергея было не в этом, а в монастырском строительстве, в зодчестве души и духа, в том, что в деле Преподобного всё светит нам, «отравленным (как говорил Балашов) химией и радиацией, оглушенным роком, гибнущим от голода среди изобилия». А все-таки не пренебрежем и политическим поприщем, которое спровоцировало книгу Зернова и задает нас.

Мир не так переменчив, как кажется. Он и сегодня живет потаенным (переодетым в светское платье) противостоянием православия, мусульманства и «латинского Запада». Сергей не зря видел в ночной молитве первых лет отшельничества бесов в «литовских одеждах», хотя до Литвы от его радонежских лесов было далеко. Он, верно, не знал, как генуэзцы помогали туркам при взятии Константинополя. И не знал, что до этого они и татарам помогали военными специалистами и «инновационными технологиями», проверяя свои передовые европейские наработки на чужих народах и верах. Но он знал раздели-

тельную силу врага и противопоставлял ей единство Троицы как главное условие сопротивления, которым можно защититься и устоять не от одних татар, но вот для Зернова и от фашизма, а для нас сегодня и от сквозняков новых «гуманистических» политехнологий, умело расчленяющих Россию и русское сердце. Потому Сергей и доныне есть ключ к пониманию России и русского отношения к Богу, и потому на его примере Зернов отлично доказывает, что святой есть совершенная форма личности и вместе – лучшее зеркало типичности нации, ее духовной традиции.

Святой ничего не декларирует. Он побеждает зло в себе и, узнав по себе возможность такой победы, выходит с этим опытом к другим. И опять, не словом, которое скоро выветривается, а примером. Почему Сергей даже и как игумен продолжает служить братии, как «купленный раб», нося для нее дрова и воду, а в ночи не забывая обойти обитель и услышать дыхание каждого.

Мир бессилен был поймать его, потому что он был свободен, как бывают свободны и сильны только настоящие смиренные люди. Мир и власть нуждались в нем, а он в них не нуждался, потому что был частью целого, светом Троицы, Которая удостоит его своим посещением. Он служил не власти и политике Церкви, а Богу, и каждый его брат был свободен этим же светом.

Это, может быть, самое неожиданное и прекрасное в его служении, что его духовные дети оставались самими собой, не теряя индивидуальности, когда разлетелись из его гнезда, основывая десятки монастырей по дальним углам Севера, духовно просвещая и экономически колонизируя новые земли (ведь после Сергея ученики создали около пятидесяти монастырей, а вместе уже со своими учениками – и полторы сотни). И каждый на особицу, чтобы вместе быть русской землей, русским человеком и Русской Церковью в великом ее богатстве и духовном цветении. Он специально «не растил» последователей, и Зернов особенно подчеркивает это, словно подсказывает читателю условие победы Преподобного. Он только каждую минуту жил Богом, слушая Его волю, а они росли вокруг органически, как растет жизнь, населив Северную Фиваиду великими обитателями – такими

спокойными, такими твердыми, такими разными: Мефодий Пешношский, Сильвестр Обнорский, Сергей Нуромский, Кирилл Белозерский, Дмитрий Прилуцкий – разогните жития русских святых, и они выйдут небесным полком, плечом к плечу со своим небесным Игуменом.

Книга Зернова может показаться смущающей по устройству – сначала Житие, потом его развитое повторение, как бы перечитывание и уточнение самого себя. Так просило сердце – вычитывать в древности «недвижное», повторяемое в разные часы истории, и найти там рецепты противостояния. Мир уходит от цельности все дальше и необратимее, продолжая при этом клясться Троицей и уверять, что исповедует Ее со всей строгостью. Но даже в 1990 году (когда уж два года как мы отметили тысячелетие Крещения Руси и поворотились к Церкви) в комментариях к речи Ключевского о Сергии еще можно было со смятением прочитать: «Сергий Радонежский (Варфоломей Кириллович) – церковный политический деятель. В 1337 году основал пустынь, превратившуюся в крупнейшее феодальное хозяйство».

Можно было закрыть лицо от отчаяния – значит, мы так и не стали Сергиевыми детьми и так и не услышали его призыва «идти вперед, а Бог поможет». Но, слава Богу, всё, оказывается, потребны душе книги, подобные этой, всё насущна потребность во внутренней целостности народа и человека. И значит, дело Сергея посреди обманчиво свободного мира не стареет и жатвы по-прежнему много, хоть делателей мало.

Зернов впервые дал почувствовать европейскому читателю (книга вышла на английском) высокую вселенскость фигуры Сергея и русского духовного пути перед вызовами мирового зла. И если бы читатели тогда были способны слышать всей полнотой сердца, они провидели бы в этой книге и русскую победу в предстоящей войне, и ее соборный голос в великой культуре грядущего, достойного Божьей милости мира. Если бы и мы слышали свои книги, не забывая поднимать глаза к Небу, мы тоже были бы не там, где сегодня.

Но пока не заросла в нас память о родных святых, пока они укоряют наше сердце, их жития будут нашим спасением, нашей крепостью, нашей надеждой.

Архимандрит Макарий (Веретенников), насаельник Свято-Троицкой Сергиевой лавры,
доктор Церковной истории

Вси святии, молитесь Бога о нас

Фото Владимира Ходакова

В синаксаре (поучении), который должен читаться на утрени праздника, дается объяснение его смысла. Прежде всего, вчерашние языческие народы пришли к единению с Богом и приносят Ему «словно некий начаток, тех, кто благими делами своими были... различным образом искусны». Это первая причина, по которой мы совершаем празднование всем святым. Кроме того, поскольку в истории известны не все угодники Божии и «нелегко... по их неисчислимости почитать всех как подобает по обычаю Церкви, — то божественные отцы, дабы мы снискали помощь у тех, в какой бы земле ни угодили они Богу, а также ради будущих угодников, установили совершать празднование всем святым, объемля чествованием всех преждебывших и последующих, неявленных и явленных — всех, кого освятит Дух Святой, вселившийся в них». Третий повод учреждения данного праздника — стремление соборно почитать всех святых, чьи имена рассеяны по дням года, так как «все они ради одного Христа подвизались, все одно поприще добродетели прошли и, таким образом, все как Единого Бога рабы по достоинству увенчаны и Церковь составили, восполнив собою горний мир, побуждая и нас равный с ними предпринять подвиг различного рода и вида». Святые — это лучшее достояние человеческого рода. «Итак, естество человеческое в лике всех святых, прославившихся различным образом, приносит ныне Богу как бы некие начатки свои».

Праздник Троицы — это день схождения Святого Духа на апостолов, это день рождения Церкви. Благословенный Дух, почив на апостолах в виде огненных языков, утвердил в памяти их спасительные для человеков изречения Христа. После этого они пошли с проповедью Евангелия по всему миру. Следующее же воскресенье — это праздник, посвященный всем святым. Таким образом, триодный период начинается воскресным днем и заканчивается в Неделю Всех святых.

Праздник полагает начало всем праздникам отдельным святым.

Начал же сей праздник совершаться в Церкви со времени византийского императора Льва VI Мудрого (886–912). Поводом послужило построение им храма, который он хотел посвятить своей первой почившей жене — Феофано, веря в ее святость. Но Церковь не приняла его предложения — освятить храм во имя вчерашней императрицы. «Тогда премудрый царь, с полного одобрения Церкви, посвятил возведенный храм всем святым, повсюду на земле бывшим, и сказал: “Если и Феофано — святая, пусть к ним будет причислена”». В последующее время императрица Феофано была прославлена в лике святых и ее имя вошло в состав месяцеслова († 893–894; память 16 декабря).

Чтобы достойно соборно прославить всех святых, в службе используются слова псалма (см. Пс. 132:1, 3): «Се ныне что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе; в сем бо Господь обещал живото вечный». В службе прославляются лики святых: «Приидите, вернии, днесь лик совокупивше, благочестно торжествуем, и всех святых преславную и честную память славно почтим, глаголюще: радуйтесь, апостоли славнии, пророцы, и мученицы, и священноначальницы. Радуйтесь, преподобных соборе, и праведных. Радуйтесь, честных жен личе и Христа о мире молитесь, победы на сопротивныя даровати и душам нашим велию милость». Святые подвизались повсюду на земле, и ныне вкупе они прославляются Церковью: «Радующеся, поим святых всех собор, отсюда собравшихся, и роды вкупе и достоинства, и жительства и с ними поем: благословен Бог отец наших».

Можно назвать случай из отечественной истории, когда идея прославления всех святых была использована в соборной практике Русской Церкви в XVII веке. В феврале 1677 года и в начале января 1678 года в Москве проходи-

ли Соборные заседания, на которых в целях полемики со старообрядцами было приостановлено почитание благоверной-преподобной Анны Кашинской († 1338; память 2 октября). В Соборных материалах приводится перечень подвижников и в конце говорится: «И инии мнозии свято пожившие суть нетлени в пещерах Киевских, в Велице Новеграде и во Владимире велиции князи и княгини (яже, за множеством, оставихом не именованы), и никому же сих поются тропари и каноны». Принятые Собором решения сводились к следующему: благоверную княгиню Анну, принявшую в конце жизни монашеский постриг с именем София, «помянати с прочими православными великими князи и великими княгини о вечном упокоении... помянати великия княгини монахини Софии»; «Храм, созданный во имя великия княгини Анны, отныне именовать и быти ему во имя всех святых, и аще совершенно благоугоди Богу великая княгиня Анна, да будет во оном храме и то имя вочтено купно со всеми святыми». Позднее, в 1909 году, при императоре Николае II († 1918; память 4 июля) почитание благоверной Анны Кашинской было восстановлено в Церкви.

На Руси празднику всех святых посвящаются храмы, которые могли быть кладбищенскими. Святитель Филарет Московский († 1867; память 19 ноября) в слове на освящении кладбищенского храма отмечает, «как сообразен с назначением храма, как нравственно полезен обычай устроить храмы при местах погребения и погребать при храмах». Ниже в своей проповеди святитель говорит о важности обыкновения «тела усопших о Господе полагать при храме Господнем. Они достойны сей почести потолику, поколику сами храмы Божии, члены Тела Христова, жилища Святого Духа». Он говорит о храмах, созидаемых «на месте покоя усопших», которые «благодотребны и полезны живущим, чтобы они приходили сюда не только

печалиться и плакать над почивающими здесь, но и приносить о них молитву преимущественно благодатную во храме, при тайнодействии Тела и Крови Господней, когда имена и память усопших священно-служителей приближает к Агнцу Божию, вземлющему грехи мира, и погружает в животворящую Кровь Христову». Посвящение кладбищенских храмов празднику всех святых призвано почтить и прославить небесных покровителей всех погребенных на кладбище.

В Москве известен храм в честь всех святых на Кулишках. «Церковь возведена на остатках одноименной деревянной церкви конца XIV века, поставленной здесь “в память всех убиенных” во время Куликовской битвы 1380 года». В путеводителе конца XVIII века говорится, что благоверный князь Димитрий Донской († 1389; память 19 мая) повелел «храм во имя всех святых построить в память всех убиенных и учинить по оным поминовение».

Весьма поучительна история основания преподобным Даниилом Переславским († 1540; память 7 апреля) Всехсвятской обители. Он творил особый подвиг, погребая безродных и неизвестных лиц, почивших «нужной» смертью в пути и т. д. Думая о строительстве храма на месте погребения скончавшихся, преподобный Даниил неоднократно видел в ночное время на этом месте горящие свечи. Иеромонах Тихон из Горицкого монастыря сказал ему: «Лепо есть на том месте Божию церковь поставить во имя всех святых, от века Богу угодивших, понеже хочещи... память сотворити о многих, бесчисленных душах в скудельницах сих положенных человек, и в тех, аще некоторые обрящутся угодивше Богу и со всеми святыми, и тем да причтени будут». Так подвижник положил начало Всехсвятской обители. О преподобном Данииле говорится, что он «прилежал» добродетелям всех святых. Можно отметить, что на Кукуевском кладбище близ Троице-Сергиевой лавры был построен Всехсвятский храм. «Погребение странных и неимущих считалось на Руси подвигом милосердия». Места, где погребались убиенные воины, а также люди, почившие во время эпидемий, безродные и др., могли называться также и божедомки.

Святитель Амвросий Медиоланский († 397; память 7 декабря) в своем

гимне «Тебе Бога хвалим» молит Господа: «...сподоби святыми Твоими в вечной славе Твоей царствовать». Мы же взываем к своим Небесным покровителям: вси святии, молитве Бога о нас! На праздник всех святых бывают поздравляемы именинники – верующие, которые носят имена святых Вселенской Церкви.

В статье использованы цитаты из:

Синаксари Постной и Цветной Троицы; работ прот. Г. Дебольского; праздничных песнопений; Славников; Московского Собора о житии Анны Кашинской; Слов и речей Филарета, митрополита Московского и Коломенского; работ П. Паламарчука («Сорок сороков»); В.А. Кучкина («Московская церковь Всех святых на Кулишках»); С.И. Смирнова («Житие преподобного Даниила, Переяславского чудотворца»); Н.Н. Розова («Похвальное

слово Великому князю Василию III»); Православной энциклопедии (Т.А. Исаченко, Е.В. Скрынникова «Божедомка»); приведены ссылки на работы и труды: Н. Попова, Л.В. Луховицкого, Е.Е. Голубинского, Т. Манухиной, Т.Н. Шпанькова.

Священные пещеры Свято-Успенского Псково-Печерского мужского монастыря

Храм главной защитницы Москвы

Одна из самых популярных смотровых площадок в нашем городе – крыша Центрального детского магазина на Лубянке, больше известного как «Детский мир». Увлечение историей Москвы и страсть к фотографии часто заставляют и меня на пару-тройку часов оставить любимые Черемушки, приехать на Лубянскую площадь, переступить порог знакомого с детства здания и на прозрачном скоростном лифте, похожем на вертикальный аквариум, взметнуться на самый верхний его этаж. Действительно, вид на Златоглавую с этой точки открывается поистине захватывающий. Но даже в хорошую погоду к радостным эмоциям часто примешивается горьковатый привкус.

Невольно вспоминаются слова талантливой писателя и знатока истории нашего города, пережившего все ужасы сталинского ГУЛАГА, Олега Васильевича Волкова, об одной из московских улиц: «Не любя мне улица... какой оставили ее нам деловые люди, безраздельно ею завладевшие со второй половины XIX века. Улицу сдавили выстроившиеся сплошной стеной по обе стороны громадины доходных домов, банков, всевозможных торговых контор и акционерных обществ московских промышленников и коммерсантов. Вычурность фасадов, декантские декоры, эклектика стилей говорят о спаде вкуса и нагловатых притязаниях нескрудной мошны превзойти соседа...».

Если такое было возможно в классическом XIX веке, то что уж говорить о веке двадцатом, а тем более о двадцать первом. Помпезные фасады тяжелых и эстетически перегруженных совре-

менных построек заслоняют родные старинные улицы, которые в течение многих столетий и создавали неповторимый, очень выразительный и колоритный облик собственно Москвы.

Да, картина Москвы, открывающаяся с крыши бывшего «Детского мира», сильно изменилась с поры, когда на месте торгового центра «Наutilus» стояла часовня целителя Пантелеимона. Ее построили на пожертвования москвичей в 1881–1883 годах для хранения реликвий, привезенных из Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря. Рядом с часовней возвышалась небольшая, но очень изящная и красивая церковь в честь Владимирской иконы Божией Матери. Сегодня о ней не напоминает практически ничего – на месте разрушенного в 1934 году храма пролегает проезжая часть, по которой в сторону Старой площади и Китай-города проносится нескончаемый поток машин. Это в высшей степе-

ни несправедливо, потому что на протяжении многих столетий Владимирская икона Божией Матери считалась защитницей Москвы.

По преданию, эту икону написал сам евангелист Лука еще при жизни Пресвятой Богородицы. Ее привезли на Русь из Царьграда, столицы Византийской империи и всего православного мира, на одном корабле с другой чтимой греческой иконой Богоматери, получившей на Руси название Пирогошей. Это случилось немногим ранее 1131 года, ибо в тот год в Киеве была заложена каменная церковь во имя второй из привезенных святынь – иконы Пресвятой Богородицы «Пирогощая». Скорее всего, обе иконы прибыли на Русь вместе с митрополитом-греком Михаилом, явившимся в Киев из Константинополя весной или летом 1130 года. Некоторое время будущая хранительница и заступница Владимиро-Суздальской, а затем и Московской Руси находилась в Девичьем монастыре города Вышгорода, расположенного под Киевом. Осенью 1155 года князь Андрей Юрьевич, прозванный Боголюбским, перенес ее во Владимир.

Конечно, на Русь привезли не подлинник иконы Пресвятой Богородицы, но копию, список с него. Официально Владимирская икона Божией Матери датируется началом XII века. По утверждению современных искусствоведов, икона с самого начала была двусторонней, то есть выносной, предназначенной для изнесения из храма. На ее оборотной стороне помещено изображение престола с орудиями Страстей Господних, в том числе Животворящим Крестом. Но главной, конечно же, была лицевая сторона – с изображениями Божией Матери и Спасителя. «...Богомудрый апостол и евангелист Лука... яко истинный самовидец и неложный описатель образ Ея живописа: святое лице Ея мало окружено вообрази, ни кругло, ни остро, но мало продолжено (слегка вытянуто. – Прим. автора), нос не краток, но продолженный, доброгладостне лежащ; на десней стране близ лица Ея написа Превечнаго Младенца Господа нашего Иисуса Христа; персты же богоприемных

Ея рук тонкостию продолговаты написа» — в таких выражениях передавал свои чувства от лицезрения иконы Владимирской книжник XVIII столетия. И далее: «И преукрашенно пречестную и святую икону совершив, к самой Богоматери благоговейно принесе. Она же милостивне богозрачнии Свои очи на образ той возведши, пречистыма Своима глаголаше усты: “С сим образом благодать Моя и сила да будет, и с сим образом с вами есмь”».

Сыносователя Москвы, князя Юрия Владимировича Долгорукого, благоверный князь Андрей Боголюбский установил икону в построенном им Успенском соборе Владимира. Пребывая в течение двух с половиной веков во Владимире, икона стала именоваться Владимирской; она прославилась множеством чудотворений. В 1395 году, когда москвичи с ужасом ожидали нашествия «великого хромца» Тамерлана, икону впервые привезли в Москву, где она милостью Божией осталась на века и не один раз своими чудесами спасала стольный град от врага и даровала русскому воинству победы. Именно ей горячо молились русские люди в 1480 году: после «великого стояния» на реке Угре хан Ахмат без боя ушел от Москвы, и монголо-татарское иго, 240 лет терзавшее Русь, пало. А в 1521 году Владимирская икона вновь спасла Москву от нашествия крымского хана Махмет-Гирея.

Считается, что древняя часовня с Владимирским образом была впервые построена на подступах к Кремлю в районе современной Лубянской площади в том же 1395 году, когда икону встречали в Москве, или же несколько позднее. Так или иначе, часовня стояла тут задолго до построения стены Китай-города. И когда в 1534 году итальянский зодчий Петрок Малый, архитектор кремлевской Успенской звонницы, стал возводить крепостную стену, то на этом участке она вплотную примкнула к часовне: тогда здесь была устроена башня с воротами, получившими официальное имя «Никольские» — по местной улице и «Владимирские» — по часовне. Приблизительно в то же время список с Владимирской иконы поместили и на наружной стене Никольской башни Китай-города. Эта башня оказалась на участке судьбоносной для Москвы Сретенской дороги.

*Сколько отличий можно найти между этим и первым снимком?
А место одно и то же*

Царица Наталья Кирилловна Нарышкина, вторая жена царя Алексея Михайловича Романова (Тишайшего) и мать царя Петра I, дала обет возвести около Владимирских (Никольских) ворот церковь во имя Владимирской иконы Божией Матери. Причиной тому было не только знаменательное место — царица считала Владимирскую икону своей покровительницей, поскольку ее именины приходились на день праздника чудотворного образа. Именно этот фамильный образ овдовевшая государыня и пожаловала в новоустроенную церковь, хотя до освящения обетного храма ей дожить не довелось.

Строительство красавицы-церкви в ярком, узорчатом стиле нарышкинского барокко было начато летом 1691 года по личному указу царя Петра I, очень любившего мать. Строительство он приказал вести на казенные средства Стрелецкого приказа, и уже в октябре 1694 года новый храм был освящен. Тогда же к нему установили ежегодный крестный ход из Кремля 21 мая (3 июня по н. ст.) — в празднование чудесного спасения Москвы от набега крымского хана в 1521 году. Как писал до революции один краевед, у этой церкви приходом была вся Москва. Каждый, кто шел по Никольской улице, непременно заходил в храм помолиться Заступнице рода человеческого и Спасительнице первопрестольного града.

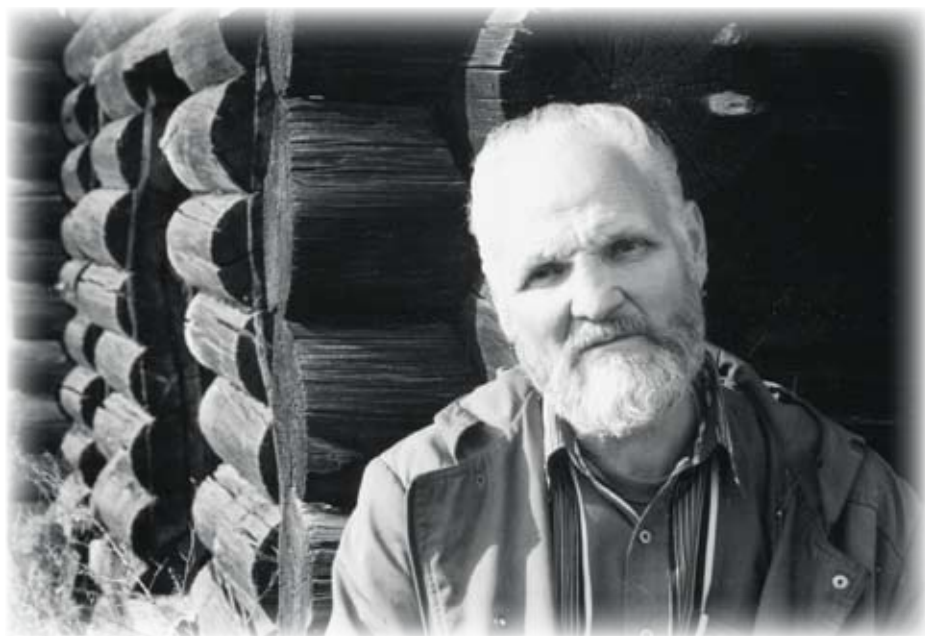
Бесценные святыни Владимирской церкви соответствовали ее «дворцо-

вому» статусу. Первой дарительницей стала царица-основательница, а вслед за Нарышкиной китайгородскую церковь одаривали и Елизавета Петровна, и Мария Феодоровна (супруга императора Павла I), преподнося богатые пелены и воздухи, расшитые своими руками. Образ Спаса Нерукотворного в манере фряжского письма был, по преданию, написан самим Симоном Ушаковым. Во второй половине XVIII века архитектор Василий Баженов соорудил в храме огромный иконостас. Список Владимирской иконы в начале XIX века украсила великолепная золотая риза с драгоценными алмазами, жемчугами, изумрудами и яхонтами — дар знаменитого графа Н.П. Шереметева. В церкви был и другой образ Владимирской Богоматери, которым патриарх Иоаким благословил Н.К. Нарышкину на венчание с царем Алексеем Михайловичем.

Судьба московской церкви в честь Владимирской иконы Божией Матери оказалась печальной: осенью 1932 года ее закрыли и передали под клуб милиции. А через два года снесли вместе со стеной Китай-города, точь-в-точь в 400-летний юбилей этой московской крепости. Для новой власти солидная дата ровным счетом ничего не значила — большевики вознамерились писать тысячелетнюю историю страны с чистого листа. Чем это закончилось, мы все хорошо знаем...

К сему: ваш Архивариус

Деревня моего детства

В советское время его называли деревенщиком: так, в угоду моде, снисходительно называли литераторов, чья безыскусная и созерцательная проза была посвящена основе основ российского бытия – простой жизни простых людей. Сегодня, когда нет нужды прятаться за эвфемизмы, Владимир Николаевич Крупин по праву считается одним из известнейших современных православных писателей.

Сегодня творчество деревенщиков – одно из центральных реалистических направлений в русской литературе: только сейчас стало понятно, насколько губителен город для человеческой души. Обращение к деревне – это, по сути, обращение к Богу, во всяком случае, так это видится Крупину.

Как ни парадоксально, большую часть жизни Владимир Николаевич прожил в Москве, преподавал в вузах, в Духовной академии. А вот детство прошло в вятской земле, в деревне, но этого небольшого отрезка жизни хватило, чтобы определить и сформировать всю его дальнейшую творческую судьбу. Такова сила земли.

И вот я, – говорит в одном из своих интервью писатель, – седой человек, издавший много книг, проехавший много стран, изъездивший и исходивший родное отечество с запада до востока, всюду избиравшийся, занимавший много высоких постов, сижу у печки детства и вижу, что вся жизнь мне как будто приснилась, а было только детство. Земля предков, где вывел меня на свет Господь и впервые дал мне язык,

любовь, слезы, царапины... Кстати, именно в детстве я понял, в чем мое призвание, и в пятнадцатилетнем возрасте доверил дневнику: «Через 10 лет стану народным писателем». После клятвы походил по родным половицам, повздыхал и написал: Не через 10, а через 15 лет стану писателем. Для того и живу.

Поразительно, но его мечты сбылись почти в точности: через 15 с небольшим лет, в 1974 году, вышел первый сборник рассказов – «Зерна», потом были еще и еще рассказы, но вернемся к детству.

Оно было достаточно тяжелым, ведь он родился в сентябре 1941 года, то есть в самую тяжкую пору войны. В школьные годы, так же, как и большинство сверстников, работал в деревне: на сенокосе, в коровнике, в огороде. Юношей брался за любую, даже самую невидную и тяжелую, работу – грузчика, слесаря.

Одни находят счастье в дорогих игрушках и красивой одежде, другие – в простых вещах: в пении сверчка за печкой, в запахе скошенной травы, в

мягких руках матери, в теплой крынке молока, в беседе деревенских мужичков на закате за махоркой. И все это настолько вросло в его душу, что стало существенным, главным, дало ему такое ощущение счастья, что порой ему казалось, что в детстве он ходил «босиком по небу». Так он и назвал один из своих популярных сборников.

С годами все обостреннее вспоминается детство, особенно Новый год. <...> Мы сами создали его. <...> Надо было делать новые игрушки. И фонари, и цепи, и снег, и флажки. <...> Мама доставала со дна швейной машинки «Зингер» шпульку ниток. Шпульку раскручивали, сматывая с нее столько нитки, чтобы ее хватило на несколько раз от стены до стены. Это для гирлянд с фонариками и флажками. <...> Мало-помалу налаживалась работа дружной бригады. <...> Младшие улепляли игрушками подол елочки, мне доставались ветви повыше, маме еще повыше, брат залезал на табуретку и украшал самый верх. Сестра подавала ему игрушки и командовала. Отец осуществлял общее руководство. <...> Мы любовались елкой. Отец начинал рассказывать, какие елки были в его детстве.¹

Увы, в нашей сегодняшней жизни елки, конечно же, другие, переливаются разноцветными электронными гирляндами с музыкой и прочими наворотами, завешаны модными игрушками, подобранными по цвету и фасону, но, честное слово, чего-то нашим нынешним елкам не хватает. Мне думается, – души, любви, того трепетного, невинного, детского отношения к ним и радости, настоящего восторга, что «елочка-то горит».

Не могу не вспомнить героя одной из самых популярных повестей Крупина – «Большая жизнь маленького Ванечки», написанной от лица пятилетнего сельского мальчика. Всей глубиной своего крохотного сердечка, своей не омраченной еще тяжкими грехами душой мальчик Ваня познает окружающий мир, его многообразность и сложность. Через мальчика перед нами открывается целая вселенная, вся жизнь которой согрета его простой и детски наивной верой.

¹ Здесь и далее цитаты из произведений В.Н. Крупина.

Река Вятка у деревни Момино. Лето

Ванечка только учится жить, и каждое событие, даже поход с дедом на картошку, воспринимается им как что-то очень важное, масштабное, всегда новое и непременно счастливое.

И они пошли делать почин. Дедушка наставлял четырехрогие вилы поодаль от куста, вонзал в землю. Ваня хватался за ветви ботвы с другой стороны. Дедушка велел тащить и выворачивал пласт... поднималась земля, и открывалась тайна, скрытая в земле, — на свет являлись клубни.

Наверное, многие в этих эпизодах узнают сюжеты из детства самого писателя, когда он и впрямь ходил «босиком по небу». И легко прочитывается тоска автора по детству, а вместе с ней — и наша тоска по времени, которое уже невозможно вернуть.

Сам Крупин рассуждает так:

Место рождения, детства человека играет решающую роль в его жизни. Вот я смотрю на коллег-горожан и думаю: о чем им писать? Асфальт, голуби, дворовый футбол. А дальше? Давящее пространство городских улиц? А ребенку нужно выбежать во двор, чтобы мычала корова, чтобы собака любимая подскочила! Дальше — река, лес... И все время что-то приходится делать — то поливать, то с сорняками бороться, то кур покормить. А языковая среда?! У меня писатели — это отец с матерью да деды с бабушками. Я просто записываю. У нас вообще та-

кое количество талантов прорезается через изначальную близость к природе, к большой семье. Воспитание, атмосфера в семье — решающее дело.

Если представить мировоззрение в виде дерева, каким его видит Владимир Николаевич, то семья — это его корни, причем в широком смысле слова, когда молодое поколение чтит и помнит своих предков, а не только родителей. Далее — село Кильмезь в Кировской области, малая родина прозаика, — это ствол, вятская земля — ветви, а вот страна, соотечественники — уже листья.

Я торопился на встречу с живой родней. Родня — великое слово! Да, родню нам дает судьба, друзей мы выбираем сами. Но, как говорила мама: «Свой своему поневоле друг». Вот это «поневоле» с годами превращается в щемлящую необходимость помнить о родне, вызывает в душе неистребимое чувство древней кровной связи. И так защемит иногда сердце, что родни прежней остается все меньше и еще меньше ее нарождается.

А вот еще признание писателя.

Уже давно меня никуда не тянет, только на родину, в милую Вятку, и в Святую землю. Святая земля со мною в молитвах, в церкви, а родина... родина тоже близка. И если в своем родном селе, где родился, вырос, откуда ушел в армию, в Москву, бываю все-таки часто, то на родине отца и мамы не был очень давно. И однажды ночью, когда

стиснуло сердце, понял: надо съездить. <...> Надо ехать, надо успеть. Туда, где был счастлив, где родились и росли давшие мне жизнь родители. Ведь отцовская деревня Кизерь и мамина Мелеть значили очень много для меня. Они раздвинули границы моего детства, соединили с родней, отогнали навсегда одиночество; в этих деревнях я чувствовал любовь к себе и отвечал на нее любовью.

В вышеозначенной «древесной» иерархии зашифрован на самом деле глубокий смысл. Когда листья на деревьях зеленые? Тогда, когда дерево здоровое, когда корни и ствол целы, ветки не обломлены. Так и со страной: Россия и ее жители только тогда будут по-настоящему счастливы, когда ее основу будут составлять крепкие, счастливые семьи, когда они будут дорожить своей малой родиной, своей культурой. Безоглядная европеизация губительна для России. Поэтому еще со времен перестройки Владимир Николаевич известен своей частной позицией в отношении европеизации и американизации русской жизни. Он в чем-то подобен именитым славянофилам — Хомякову, Киреевскому...

Мы дети одного Отца Небесного, значит, мы братья. А если мы братья, что же мы ссоримся? Кроме нашей земной матери нам дарована еще и общая мать — наша национальность, нация. Любовь к ней не только не про-

тиворечит любви к Богу, но и поддерживает ее. Оттого, что я люблю свой народ, я легче пойму человека другой национальности, тоже любящего свой народ. Всем тяжело сейчас, все мы надеемся на лучшее, особенно в начале нового века, нового тысячелетия. Уже одна радость того, что именно нашим поколениям даровано встретить смену эпох, должна нас не разъединять, а сближать. Я православный, и я не могу не защищать свои святыни, свою веру. Но я уважаю всех живущих рядом и далеко. И мне странно, когда слышу: вы говорите о православии, но у нас же еще много и других конфессий, они могут обидеться. Это напоминает недавние редакторско-цензорские усеконовения, когда русские писатели говорили о любви к России, к русской культуре, философии...

Спасение от вестернизации писатель видит опять-таки в русской деревне, в ее жителях. Не случайно поэтому почти все герои его произведений – это обычные деревенские люди, верные устоям исконной российской жизни.

– Наношу ответный удар.

Увидев дым, пошел с улицы, вынул раму. Дым вытянуло. Вставил раму обратно.

А тем временем и труба прогрелась, и пошла тяга. Стало уютно.

Евланя одобрительно рассуждал о том, что кто-то продуманно делает централизацию магазинов на селе.

– Например, я хожу в магазин час. По свежему воздуху. Я проветриваюсь, гуляю и наблюдаю природу. А если бы магазин был в пределах деревни, то что? Я бы физически меньше двигался. Или вы не согласны?

– Мне для начала хватит четырех правил.

– Вы извините, – говорил Евланя, – что я не называю ваше полное имя. Это вовсе не пустяки, это принцип. Мой язык не доходит до отчества. И это нужно внедрять. Пока мы вспоминаем и называем, за границей уже все решено. Вы были на Западе?

– Да.

– И что?

– У нас лучше.

Евланя долго всматривался перед собой, наконец встряхнулся и сказал:

– Да!

Потом снова долго думал, кривил лицо и жевал губами, потом решил:

– Но в каком-то отношении, пожалуй, что даже и так. Хотя там бы не бросили удобрения.

Вечер кончился...

И вот еще, но уже не от имени героя – от себя лично.

Хотя и тружусь в храме, так как постоянно бываю востребован батюшкой, но и дома стараюсь что-то сделать. Главная радость обстановки – купил половики. Такую красоту жалко стелить на пол, обувь сама соскакивает с ног – как можно ступить подошвой на красоту? Расстелил, сижу как на ковре-самолете и лечу от счастья. Здесь время идет иначе. Успеваешь гораздо больше, чем в Москве, но все равно кажется, что мало успеваешь. Каждый приезд собираюсь и там, и там побывать, ступить в свои детские и юношеские следы, но приходится снова откладывать. В этот раз, конечно, главная занятость времени – храм. Новость – наш универсальный Виктор дрогнул, не выдержал напора неумеренных похвал... и, как говорится, не вино меня сгубило, а «Будь здоров!» да «Будь здоров!». Все обсуждают возможные сроки пребывания Виктора в нерабочем состоянии, но сходятся в одном: что не меньше трех дней. Да тут еще новое искушение, и очень серьезное: исчезли кованные гвозди для освящения престола.

– Вылечил я своего соседа от беса, – говорит на привале во время крестного хода Анатолий. – Как? Он мне все время: бесы, бесы, всё они ему казались, казались. Видимо, пьянка догоняла, пил раньше крепко. А когда отстал от пьянки, то бесам-то, конечно, в досаду. Опять тянут. Везде у него бесы. И жена уже не смогла с ним жить, ушла к матери. Звал его в церковь, ни за что не идет, не затащишь. Одедся я тогда, прости, Господи, самочиние, в беса. Вечером, попоздней. Вывернул шубу, лицо сажеей вымазал. К нему. В коридоре грозно зарычал, потопал сапогами, дверь рванул, вламываюсь. Боже мой! Он в окно выпрыгнул. Я скорей домой, умылся. Рубашка, курточка. К нему. Он во дворе, еле жив, в дом идти боится. И мне, главное, ничего не рассказывает. В дом зашли вместе. Я у него в первую ночь ночевал. А потом в церкви батюшке повинился. «Ну, Анатолий, – батюшка говорит, – ну, Анатолий! А если б он умер от страха?».

Говорю: «От страха бес из него выскочил». – «Мог вместе с ним выскочить». А я каюсь и скорей голову под епитрахиль сую. И что? И не являлись ему больше никакие бесы. Я к жене его сходил, уговорил вернуться.

Тема христианской веры не нова в произведениях Владимира Крупина, она проскальзывала у него еще в советское время. Однако в последние годы православие стало главным направлением его творчества. Он часто повторяет, что литература, которая не говорит о Боге, бесполезна. Настоящая литература должна вводить если не в храм, то хотя бы в церковную ограду. Наш современник, Крупин относится к тому редкому типу верующих людей, у которых не было периода воцерковления. Он всегда был верующим. Причем семья писателя не была в полной мере церковной. Там, где он провел детство, и храма-то ни одного не осталось к тому времени. Но его родители свято чтит русские традиции. В доме всегда висела икона, широко праздновалась Пасха. Однажды власти даже арестовали деда за то, что тот отказался выйти на работу в двенадцатый праздник.

Владимир Николаевич неоднократно цитировал слова своей мамы, сказанные ему в школьные годы: «Что вам в школе говорят, я не запрещаю, но чтобы в доме про Бога плохо не говорили». Он и не говорил, больше того – стал Его защитником.

Писать о вере – сложно, – говорит Крупин, – дабы не возникало ноток неестественности, слащавости. Чтобы решиться – надо ждать внутренней готовности, накопить груз опыта – жизненного, творческого и духовного. Державин, Ломоносов – они же не сразу приступили к переложению псалмов! Так же, как и великий Пушкин не сразу, на заре творчества, создал «Отцы пустынноики и жены непорочны», «Капитанскую дочку». Из Савла в Павла человек меняется раз в тысячелетие. А путь к Церкви, в том числе и в литературе, длительный, но очень благодатный и единственно необходимый.

Не знаю, как у кого, но когда я читаю этого автора, мне видятся не отдельные главы, сюжеты, лица – в каждой строчке я чувствую живое, бьющееся сердце писателя, зовущее нас преклонить колени и поклониться Всевышнему.

Упрямый старик

Рассказ

На севере вятской земли, в селе Пестове, был случай, о котором, может быть, и поздно, но хочется рассказать.

Когда началась так называемая кампания по сносу деревень, в деревне километрах в двенадцати от Пестова жил хозяин. Он жил бобылем. Похоронив жену, больше не женился, тайком от всех ходил на кладбище, сидел подолгу у могилки жены, клал на холмик полевые и лесные цветы. Дети у них были хорошие, работающие, жили своими домами, жили крепко (сейчас, конечно, все разорены), старика навещали. Однажды объявили ему, что его деревня попала в число неперспективных, что ему дают квартиру на центральной усадьбе, а деревню эту снесут, расширят пахотные земли. Что такой процесс идет по всей России. «Подумай, – говорили сыновья, – нельзя же к каждой деревне вести дорогу, тянуть свет, подумай по государственному».

Сыновья были молоды, их легко было обмануть. Старик же сердцем понимал: идет нашествие на Россию. Теперь мы знаем, что так оно и было. Это было сознательное убийство русской нации, опустошение, а вслед за этим одичание земель. Какое там расширение пахотной площади! болтовня! Гнать трактора с центральной усадьбы за десять-пятнадцать километров – это разумно? А выпасы? Ведь около центральной усадьбы все будет вытоптано

за одно лето. И главное – личные хозяйства. Ведь они уже будут – и стали – не при домах, а поодаль. Придешь с работы измученный, и надо еще тащиться на участок, полоть и поливать. А покосы? А живность?

Ничего не сказал старик. Оставшись один, вышел во двор. Почти все, что было во дворе, хлевах, сарае, – все должно было погибнуть. Старик глядел на инструменты и чувствовал, что предает их. Он затопил баню, старая треснутая печь дымила, ело глаза, и старик думал, что плачет от дыма. Заплаканным и перемазанным сажей он пошел на кладбище.

Назавтра он объявил сыновьям, что никуда не поедет. Они говорили: «Ты хоть съезди, посмотри квартиру. Ведь отопление, ведь электричество, ведь водопровод!». Старик отказался наотрез.

Так он и зимовал. Соседи все перебрались. Старые дома разобрали на дрова, новые раскатали и увезли. Проблемы с дровами у старика не было: керосина ему сыновья достали, а что касается электричества и телевизора, то старик легко обходился без них. Изюбной скотины у него остались три курочки и петух, да еще кот, да еще песик, который жил в сенях. Даже в морозы старик был непреклонен и не пускал его в избу.

Весной вышел окончательный приказ. Сверху давили: облегчить жизнь жителям неперспективных деревень, расширить пахотные угодья. Коснулось

и старика. Уже не только сыновья, но и начальство приезжало его уговаривать. Кой-какие остатки сараев, бань, изгородь сожгли. Старик жил как на пепелище, как среди выжженной фронтовой земли.

И еще раз приехал начальник: «Ты сознательный человек, подумай. Ты тормозишь прогресс. Твоей деревни уже нет ни на каких картах. Политика такая, чтоб Нечерноземье поднять. Скажу тебе больше: даже приказано распахивать кладбища, если со дня последнего захоронения прошло пятнадцать лет».

Вот это – о кладбищах – поразило старика больше всего. Он представил, как по его Анастасии идет трактор, как хрустит и вжимается в землю крест, – нет, это было невыносимо.

Но сыновьям, видно, крепко приказали что-то решать с отцом. Они приехали на тракторе с прицепом, стали молча выносить и грузить вещи старика: постель, посуду, настенное зеркало. Старик молчал. Они подошли к нему и объявили, что, если он не поедет, его увезут насильно. Он не поверил, стал вырываться. Про себя он решил, что будет жить в лесу, выкопает землянку. Сыновья связали отца – «Прости, отец» – посадили в тракторную тележку и повезли. Старик мотал головой и скрипел зубами. Песик бежал за трактором, а кот на полдороге вырвался из рук одного из сыновей и убежал обратно в деревню.

Больше старик не сказал никому ни слова. Вскоре он умер.

Список людей, чьи судьбы так или иначе связаны с Ховрино, будь то владельцы земли или усадьбы, объемист и значителен и берет начало, что называется, из глубины веков.

Во второй половине XIV века его открывает купец Стефан (Степан) Васильев, первым купивший эту землю. Прозвище Ховра, доставшееся его сыну Григорию, положило начало топонимике этих мест, а внук первопроходца Владимир уже использовал «ник» как фами-

лию – Ховрин. Далее в этом списке: Василий Семенович Третьяков-Ховрин, Василий Борисович Шереметев, Яков Васильевич Голицын, княгини Пронская и Пожарская, принцесса Екатерина Петровна Голишин-Бекская, в замужестве Барятинская, князь Петр Николаевич Оболенский, Наталия Алексеевна Столыпина¹, княгиня Наталия Николаевна фон Гольштейнбек, Лука Ильич Жемчужников², а затем сын его Платон Лукич... Нет уверенности, что список этот исчерпывающий.

Неизвестный талант хозяйки усадьбы Ховрино

В 1859 году поместье Ховрино приобрел московский миллионер фабрикант **Евграф Владимирович Молчанов** (1808–1869). Статский советник, потомственный почетный гражданин Москвы, он владел двумя ткацкими фабриками: в столице и в сельце Ростokino.

Его стараниями началось поистине возрождение Ховрина. Практически полностью обновилась усадьба. Появились летние домики, для привлечения дачников сооружена платформа и открыт полустанок Ховрино. И, наконец, построен новый храм во имя иконы Божией Матери «Знамение» по проекту выдающегося архитектора Михаила Доримедонтовича Быковского.

Немалые средства и труды положил Е.В. Молчанов на благо Церкви и в прежние годы. Для духовных нужд рабочих своей ростокинской фабрики Евграф Владимирович возобновил в соседнем селе Леоново старинную каменную церковь в честь Положения честной ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне. Возведен новый, каменный, храм во имя Живоначальной Троицы, что на Грязех. Сам Молчанов был там старостой. Он построил общежитие для своих рабочих, школу для их детей, больницу...

Закладка нового храма во имя иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине состоялась 7 июня 1868 года. Как сообщила газета «Русские ведомости», «на устройство этой церкви пожертвовано г. Молчановым до 50 тысяч рублей». Евграф Владимирович скончался 15 сентября 1869 года, не дожив до завершения строительства.

Вся внутренняя отделка ховринского храма производилась под наблюдением

его вдовы и душеприказчицы **Елизаветы Иосифовны (Осиповны)**. Как в своей жизни, так и в духовном завещании Е.В. Молчанов в полной мере воплотил идею об ответственности богатства. Согласно его последней воле, крупные суммы были переданы церквам, в том числе в Ризоположенский храм в Леонове; в пользу своей приходской Троицкой церкви он отказал доходный дом, на обеспечение ховринской Знаменской церкви и ее причта оставил неприкосновенный капитал в 10 000 рублей. Большие вклады получили также Алексеевский и Спасо-Андроников монастыри, Дивеевская обитель, Свято-Пантелеимонов монастырь и Андреевский скит на Афоне... В распоряжение городских властей Е.В. Молчанов отказал неприкосновенный капитал в 50 000 рублей, чтобы проценты с этой суммы шли на пособия бедным семьям всех сословий.

Елизавета Иосифовна, которая на вполне законных основаниях могла бы в течение трех лет использовать сей капитал в своих целях, передала его городу уже на следующий год после смерти мужа, и Московская дума постановила благодарить вдову жертвователя «за ее содействие к скорейшему выполнению воли покойного». Е.И. Молчанова в 1879 году продала усадьбу, сохранив за собой пять десятин земли с лесом и

тремя домами-дачами. Но она продолжала оставаться достойной преемницей мужа в сфере благотворительности. Неизменно помогала она и Знаменскому приходу, хотя покинула Ховрино в 1890 году, подарив землю земству на устройство приюта для детей-сирот из Подмоскovie. Этот дар был приурочен к 25-летней годовщине земских учреждений. Губернский архитектор Г.Н. Рибас немедленно приступил к его обустройству, на которое выделили 15 000 рублей. Приют назвали в честь императора Александра II. По положению он был рассчитан на 60 мальчиков и девочек в возрасте от четырех до двенадцати лет. Принимали вначале лишь сирот, «оставшихся после умерших родителей и живших в Московской губернии (но не в Москве)». Позже помещали туда и ребят из неполных семей. Предпочтение отдавалось крестьянским детям. В 1900 году, когда приют был переведен и закрылась школа, в которой учились и дети ховринских крестьян, Елизавета Иосифовна пожертвовала крупную сумму на новое школьное здание. В те годы в Знаменском храме появился приставной престол в честь мученика Евграфа³, устроенный, по-видимому, по ее воле.

³ Он и сейчас единственный в Москве.

На правой странице опубликованы два рисунка, сделанные рукой Елизаветы Иосифовны Молчановой. Их неожиданно обнаружил Михаил Алексеевич Чернов, редактор журнала «Антиквариат», когда занимался интересующими его профессиональными разысканиями. Оказалось, он знает наш журнал и хорошего о нем мнения. И, естественно, рассудил, что эта находка может представлять для нас особый интерес. И позвонил в редакцию, за что мы ему сердечно признательны. Рисунки вполне профессиональны, материал и техника в обеих работах одинаковые: рапьер-пелле, графитный карандаш, процарапывание. К сожалению, ничего об этом даровании Елизаветы Иосифовны не известно. Если кто-то сможет добавить к сказанному что-то новое и сообщит нам, будем благодарны. Сведения об истории усадьбы и ее владельцах почеркнуты из альбома «Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине», выпущенного к 25-летию возрождения прихода. Думаем, что после того, как вы прочтете этот текст, несколько по-другому посмотрите и на рисунки Е.И. Молчановой.

¹ Двоюродная бабушка М.Ю. Лермонтова.

² Отставной гвардии полковник, профессиональный картежник. Именно ему в 1830 году А.С. Пушкин проиграл крупную сумму. Он же стал прототипом Чекалинского в «Пиковой даме».

Пейзаж с поклонным крестом. 1863

Пейзаж с башней. 1860-е

А был ли Сталин?

Увы, не только был, но существует и поныне. Присутствует в нашей ностальгической памяти, окопался в нашей ментальности. В принципе это ни хорошо, ни плохо, поскольку исторический факт. Важно другое: каким мы носим его в себе? А таким, каким его вылепила «волшебная сила искусства», в частности кино. Ничего иного нам художники не предложили и не предлагают. Вот мы и живем с головой, повернутой назад.

Половина населения Сталина обожает, признает его «именем России», другая половина ненавидит, считает кровавым тираном и монстром. Первую половину зовут Народ, вторую – Интеллигенция.

Почти весь мир ненавидит Гитлера, считает его воплощением зла. Зато его очень любят фашисты и неофашисты.

То есть на Миф всегда находится свой Антимиф – полностью противоположный, но столь же прямолинейный и однозначный.

Дьяволу очень нужны Мифы. Ибо он боится быть развоплощенным, увиденным, раскрытым, исследованным.

Если окинуть взором всю экранную сталиниану, мы обнаружим следующее: Сталин на экране окажется удивительно разным, слишком разным, почти неуловимым. Нет, конечно, внутри отдельных эпох или десятилетий у него будет четкий, сложившийся образ – но вот наступает новая эпоха, и с нею практически полностью меняется на экране и Сталин. Наконец, после 90-го Сталин множится на бесчисленное количество инкарнаций, и практически каждое его воплощение на экране не похоже на другое.

Первое появление Сталина на экране возникает в фильме М. Ромма «Ленин в Октябре» (1937). Здесь уже складывается та матрица, которая будет четко воплощаться все оставшиеся 30-е годы, а также проявится и в конце 40-х. Выглядит она так: Сталин – один из титанов революции, верный соратник Ленина и исполнитель его верховной воли. В большинстве фильмов Коба пребывает в тени Ленина, а если выходит на авансцену, то выступает в качестве организатора побед в Гражданской войне (на тех участках фронта, куда его посылает партия) и разоблачителя скрытых врагов. Сталин неизменно ироничен, улыбчив, сдержан

и вообще абсолютно спокоен – кажется, именно он здесь один все знает наперед, а потому волноваться ему особо нечего – ведь последующие события сложатся самым наилучшим образом. Сложатся согласно канве Мифа, гласящего, что Советская власть движется от победы к победе, а если на ее пути и возникают трудности, то лишь вследствие козней врагов. Миф сей к концу 30-х, как вы понимаете, будет продуман и проработан, а кино его максимально закрепит.

Начиная именно с «Ленина в Октябре», у Ильича и Сталина сложатся весьма характерные взаимоотношения, выражающиеся в том, что Ленин на экране будет что-то изрекать – как правило, нечто весьма банальное и общепонятное, а Сталин сие изречение дополнять и подытоживать каким-то своим – или несущим в себе ровно тот же смысл, или слегка его корректирующим. После чего Ленин скажет: «Вы совершенно правы, товарищ Сталин» или «Абсолютно верная мысль!».

Ну например, в фильме С. Юткевича «Человек с ружьем» вожди ведут разговор с бойцами Гражданской, которые угощают их картошкой. «Картошка – это прекрасно!» – эмоционально восклицает Ленин. – Недаром русский народ любит картошку в мундире». – «Вкус особый», – мягко и спокойно замечает Сталин. «Вы знаете, это верно!» – еще воодушевленное произносит Ленин.

Если собрать все подобные сцены воедино, сегодня нам будет смотреть такой «дайджест» весьма забавно, но для людей тех лет все это выглядело абсолютно естественным – вожди и должны говорить твердо, а главное, афористично, как и любые земные пророки. Только если пророки выражали свои мысли, как правило, парадоксально (и парадокс ста-

новился импульсом к размышлению), то у наших героев парадоксы заменяются или лозунгами, или банальностями – они мыслят не парадоксально, а плакатно. Но лозунги и существуют для того, чтобы вести сознание общества вперед, а в конечном итоге и заменить его.

Он вообще всегда с народом. И если Ленина народ обожает и смотрит на него чуть со стороны, внимая и поклоняясь ему, как Богу, то Сталина народ просто любит и понимает. Он – свой, он всегда окажется рядом в трудную минуту, всегда придет на помощь. Сталин – мудрый и очень демократичный начальник. Но еще и начальник-Воин.

Во время войны экранный Сталин как будто продолжает «отрабатывать» линию 30-х – он появляется в историко-революционных фильмах – ровно в тех же ипостасях, что и ранее. В одной из этих лент – «Царицыне» братьев Васильевых – он является даже одним из главных героев. Здесь все следует той же схеме, что и в «Великом зареве»: есть основной герой, представитель народа, но подлинная главная роль – у номинально «второго» по сюжету – Сталина. Во всяком случае, его на экране несравнимо больше, чем остальных персонажей. В данной ситуации он продолжает налаживать руководство обороной города (с последующим наступлением) и обезвреживать скрытых врагов.

После войны Сталин – триумфатор, и ему «полагается» очередная агиография. Это фильм М. Чиаурели «Клятва» – почти биографический фильм, проследивший жизнь вождя с 1924 года, где у гроба Ленина он клянется воплотить

* Один из ведущих современных киноведа и кинокритиков Александр Шпагин предложил нам чрезвычайно глубокую аналитическую статью на острую, актуальную тему. Размер, к сожалению, никак не позволяет уместить ее в нашем журнале, но и отказаться от нее невозможно. После размышлений и прикидок мы решили остановиться на таком варианте: с согласия автора мы публикуем в журнале тезисы статьи, а полностью ее можно будет прочесть в электронной версии 6-го номера (lampada-press.ru).

в жизнь все его заветы, до 1945 года, в котором все они, надо полагать, выполнены. Вообще, перед нами одна из самых странных биографических лент, не имеющая аналогов в мировом кино. Ибо по сюжету это киноман о жизни семьи правоверных большевиков. Но если до революции или после нее они так или иначе испытывают различные трудности, то после того, как знакомятся со Сталиным, их бытие превращается в череду неостановимых побед и цветущего счастья, которое нарушает война. Но и из нее они выходят победителями – причем, живыми и невредимыми. Мы попадаем в некое советское прекрасное царство, озаренное гением и солнцем верховного исполнителя ленинской воли. Сам он на экране появляется не столь уж часто, но при этом он везде, в каждой клеточке этого фильма, ибо всюду возникает его имя, которое и ведет героев «Клятвы» к перманентно улучшающемуся существованию. И ленту можно было бы назвать религиозной, если бы подлинная Вера не была связана с постоянными духовными борениями, глубинным самоизмерением драматизма собственного бытия, постоянно испытывающего череду драматических искушений.

Из бога-Воина, бога-Дворника, все-таки вынужденного заниматься «теневой», «черной» работой, а также являющегося «тенью» Ленина, Сталин превращается в бога-Деминурга, занимая и место Ленина, и место подлинного Бога (который во время войны оказывается все-таки слегка «реабилитирован», и именно стараниями Сталина, – во всяком случае, о Нем вспомнили), и вообще максимально высокое место над миром, какое можно себе представить. Ранее в его фигуре сквозило нечто драматично-тревожное, теперь она излучает один лишь свет.

Увы, самая прекрасная, самая утонченная советская эпоха, выдавшая на-гора километры неоднозначности и вообще почти отказавшаяся от соцреалистического взгляда на мир, – 60-е – ничего неоднозначного в осмыслении Сталина на экране не предоставляет. Шестидесятники его попросту испугаются. Он создавал бы им лишние проблемы. Они шагали вместе с умным, тонким, интеллигентным Лениным к социализму с человеческим лицом под псевдонимом «коммунизм», а Сталин, «искаживший ленинские заветы» (согласно тогдашней социальной концепции), только бы им мешал.

И шестидесятники останавливаются перед этим последним шагом в осмыслении бытия. Они идут «за солнцем», то есть за интуитивно открытым ими Богом (как и их маленький герой в фильме «Человек идет за солнцем»), а перед тем, что кажется им Тьмой (а за Тьмой ведь и бездна проступает), – робеют. Неслучайно и Гитлера нет на экране 60-х – его бы тоже «очеловечивать» пришлось. А им не хочется.

Новый экранный Сталин остался ждать своего часа.

Час сей наступит вскоре, ибо в самом конце 60-х начнется ресталинизация – поначалу тихая и «ползучая», а к началу 70-х и более явственная. Однако авторам снимающейся в конце 60-х военной эпопеи «Освобождение» – сценаристу О. Курганову и режиссеру Ю. Озерову – показывать Сталина в кадре запрещают. Власти, правда, долго думают, рассуждают, тянут, но все-таки решают запретить. От греха.

Однако Озеров понимает, что без Сталина его фильм, делающий ставку на подлинное, едва ли не хроникальное следование историческим событиям, будет выглядеть довольно дико. И снимает сцены со Сталиным «контрабандно», ночью. А потом на свой страх и риск вставляет в фильм.

Оказалось: страхи были напрасны. К моменту сдачи фильма ресталинизация уже набрала силу, и потому новый Сталин на экране принимается всеми безоговорочно.

Но опять-таки: нет правил без исключений. Во время апогея ресталинизации (года 1971–1973) в недрах Госкино рождается проект киномана о жизни людей 30-х под названием «Истоки», постановка поручена И. Лукинскому. Цель киномана – доказать, что никаких «нарушений социалистической законности» не было, это всё шестидесятники придумали, а был последовательный процесс индустриализации и неуклонного роста страны. Врагов тоже не было – просто возникали отдельные ошибки на местах, но справедливость всегда торжествовала.

А «военный» Сталин продолжает гулять из фильма в фильм. Абсолютно неизменный образ из матрицы, впервые опробованной в «Освобождении».

Скажу любопытную вещь: да, конечно, Сталин в 70-е и одинаков, и плосковат, и неглубок – ну руководит и руководит... Однако что любопытно: при

всем при этом он наиболее точно соответствует подлинному сталинскому образу. Ибо в нем, в самом существовании его на экране, проступает сложность – и проступает она в нюансах. Сталин 70-х умеет думать, каждое решение дается ему непросто. А иногда – как в «Выборе цели» И.Таланкина – мы наблюдаем и внутреннюю растерянность его, и знакомимся с его кулинарными вкусами, и отмечаем его тонкую иронию (а не грубый, тупой солдафонский юмор, как в 90-е или сегодня), и – главное! – видим постоянное его пребывание в диалоге с миром.

Поделюсь следующим соображением: по моим ощущениям, именно в эпоху застоя Сталин на экране приближается к своему подлинному историческому образу – иными словами, к самому себе. И полное ощущение, что именно во время войны – основного его хронотопа в экранном пространстве 70-х – он таким и был. Если почитать воспоминания маршалов, именно подобный образ и складывается – во всяком случае, там перед нами человек куда более «присмиривший», более осторожный и расчетливый, более мягкий и умеющий слышать, нежели в 30-е.

Другое дело, что творцы 70-х ограничиваются несколько иллюстративным нарративом, а серьезных выводов в показе сталинизма не делают и, тем более, не предлагают никаких исторических концепций.

В середине 90-х возникнет последний фильм резко антисталинского «цикла» – «Под знаком Скорпиона» Ю. Сорокина – и будет рассказывать он о жизни Горького. Сталина здесь играет И. Кваша, и играет замечательно, да и Сталин уже чуть посложнее. Пригласив Горького в СССР, поначалу он дружит с ним, прислушивается к нему, соглашается по его просьбе повысить зарплату советским учителям, напечатать произведения писателей-лишенцев...

Режиссерам 90-х достаточно одного того, что Сталин был плохой и совершал злодеяния. По сути, он приравняется ими к тем же троцкистам из фильмов 30-х – те тоже с их отвратными лицами и голосами вызвали крайне отрицательные эмоции и гадили Советской власти без особой логики. Правда, их все-таки понять было можно – они пребывали на острие политической борьбы, – а вот зачем творит произвол экранный Сталин 90-х, остается чистой загадкой. Иными

словами, перед нами соцреализм наизнанку – в нем только переставлены векторы, а суть остается прежней: никакого постижения эпохи не возникает, ей просто приписывается новый дискурс. Увы, столь же однозначный и прямолинейный, как в фильмах сталинских лет.

Сыграно все это талантливо и ярко, да и сам фильм-то очень даже неплохой. Даже глубокий. Во всем глубокий, кроме едва ли не главного, ради чего он был поставлен – взаимоотношений Горького со Сталиным. Здесь авторы для пущей яркости начинают тихо привирать, а потом и вовсе скатываются в тот самый сакральный соцреализм.

На какое-то время Сталин почти исчезает с отечественного экрана – чтобы вернуться на него в 2000-е, теперь уже в сериалах. Которых, кстати, все больше и больше, и это не удивительно – поначалу телепродюсеры еще только опробовали тему, теперь они точно знают: она дает хорошие и стабильные рейтинги.

И началось просто замечательно. Первый сериал на сталинскую тему – «Дети Арбата» А. Эшпая – пока оказался непревзойденным. Так часто бывает, ибо в новизне всегда есть энергия прорыва, а значит, и прирастание смыслов. В искусстве все-таки доминирует не столько рациональный анализ, сколько эмоциональная, чувственная метафизика.

Перед нами «время пустого неба», как сказал Радзинский. Жизнь без Бога, населенная людьми, у которых вместо сознания – идеологемы, которые текущая жизнь беспрестанно опровергает. И они перестают что-либо понимать – и именно от их тотальной слепоты в их душах рождается тотальный страх.

И только два человека, два главных героя фильма – Он и Она – здесь несут особый внутренний свет, ибо интуитивно чувствуют глубинную логику происходящего, а потому постоянно пытаются убежать, спастись. Они уже изначально изгнаны из советского «рая», эти новые Адам и Ева. Никуда сбежать им оказывается невозможно – остается погибнуть. Гибель их настигает случайно, но метафизически они абсолютно готовы к ней.

И есть здесь еще третий человек, самый главный – он-то и наделен подлинным сознанием – всех остальных он сознания лишил. Это Сталин, демиург сего безблагодатного мира. Он – его хозяин, но, увы, и заложник – такой же заложник, как все остальные.

Подобным произведением мог бы стать и следующий сериал про стали-

низм – «Московская сага» Д. Барщевско-го. Ибо там тоже предпринята попытка эпического постижения времени и про-никновения во все его сферы бытия. Мог бы, но не стал. Главная тому причина – авторы сразу для себя расчертили карту своей эпопеи на «хороших» и «плохих». Нет, конечно, «хорошие» заблуждаются и совершают ошибки, а «плохие» порой проявляют и честность, и великодушие. Но все равно при этом сохраняют свою однозначность, ибо она заложена в них изначально. Посему «плохие», нацеленные на негатив, совершают гадства, а «хорошие», нацеленные на позитив, от оных гадств страдают. И у них все это прекрасно получается. Сталину в такой ситуации остается ничего не делать, как просто взирать на этот мир с отсутствующим выражением лица да вяло произносить постные тексты (В. Миронов оказывается едва ли не самым неудачным исполнителем роли Сталина в отече-ственном кино).

Духовные традиции эшпаевских «Детей Арбата» наследует и замечательный сериал Г. Панфилова «В круге первом», выстроенный буквально по той же матрице, в основе которой углубление и новое структурирование романа А. Солженицына (отдадим должное писателю – эту работу выполнил он сам), а также дополнение его вроде бы необязательными, но при этом тонкими и живыми деталями, создающими объем и воздух. Но главное, опять-таки, концепция. Да, она взята из самого романа, но значительно углублена, ибо в «В круге первом» шарашка превращается в образ всей страны – пространства, где люди смысла своей работы до конца не понимают, но максимально стараются смыслом ее насытить.

Сталину на экране дано слишком мало времени – у него всего лишь одна сцена, где он принимает отчет от Абакумова, но и в ней мы что-то можем сказать об этом персонаже. И. Кваша играет полного сил человека, насыщенного энергией войны. Перед нами вечный милитарист, вечный «генерал» и «генералиссимус», руководящий мирной жизнью согласно предписанной ей диспозиции. А предписывает, разумеется, он сам. И если что-то вдруг нарушается в его «карте военных действий», это вызывает у него гнев и ярость. В мире тщетно пытающихся осмыслить реальность обитателей советской «шарашки» Сталин выглядит некоторым реликтом из прошлого времени – времени

30-х и времени войны. И здесь отнюдь не просчет авторов, а сознательная концепция. Может, и спорная, но над ней хочется задуматься.

Всё. Время серьезного, авторского, духовного осмысления сталинизма на экране закончилось. Хотя дальше Сталин выскочит, как рогатый из коробочки, и понесется в разных обличьях по всевозможным сериалам, постепенно превращаясь в персонажа комикса.

Сей персонаж очень смахивает на кота, обожающего забавляться с мышами для последующего их съедения. Зачем он это делает, ему и самому неизвестно («Врешь ты всё, Лаврентий, – произносит он в сериале «Жуков». – И я тебе не верю. Да и себе не верю»). Он путается, то ли сознательно, то ли бессознательно смешивает карты, бесконечно меняет свои решения, обвиняет в их неисполнении подчиненных, мимикрирует, издевается, слегка идиотничает.

Иногда перед нами чуть иной кот – более интеллигентный и задумчивый, иногда старчески расслабленный и немощный (таким Сталин получился у Е. Князева в сериале «Орлова и Александров»), но неизменно кот, коварный кот, действующий без особой логики – просто вот нравится ему так жить. А рядом с котом вездесущий похотливый шакал – Берия. Причем, во многих сериалах он возникает близ Сталина в самом начале 30-х (хотя на самом деле такого быть не могло – тогда Берия работал в Грузии) и везде строит козни, козни и, конечно же, баб набирает в свою коллекцию, баб! Не чужд клубнички и Сталин – например, в том же «Орловой и Александрове» он решает прикадрить саму Любовь Петровну. А почему бы нет? Какая вообще разница, было ли такое в действительности или не было, соответствовали ли выдуманные авторами сюжетные коллизии образу вождя или не соответствовали? Главное ж рейтинг. Побольше убийств, побольше алькова! – а чего там было по истории, какая разница?

Посреди такой рейтинговой вакханалии странно смотрелся и особняком стоял сериал Б. Казакова «Сталин. Live», где возникла попытка проследить по дням последние месяцы жизни вождя.

Согласно концепции авторов можно представить, что Сталин сам себя перехитрил, переиграл и пал жертвой собственного перекрученного мышления, а также еще более вывороченного мышления Берии. Однако такими же

жертвами своей перекрученности оказываются и авторы фильма, ибо с середины онный сериал становится физически тяжело смотреть – ты начинаешь путаться в наплетенной ими драматургической паутине.

И есть еще один нестандартный сериал – «Тухачевский. Заговор маршала» И. Ветрова и А. Имакина. Все-таки, слава Богу, в его основе не набор комиксообразных коллизий (как правило, не имеющих никакого отношения к подлинным фактам), а историческая версия и соответствующая ей авторская концепция.

Происходит весьма парадоксальная вещь – чем более Сталин приближается к нам, тем более он уходит в туман. Становится совсем непонятным. Когда-то ранее – от исторического недопонимания авторов, теперь – от исторических фантазий и фантазмов, оными авторами накручиваемых.

В чем еще глубинная причина подобных интерпретаций личности вождя? В том, что образ Сталина интерпретируется слишком иллюстративно – с ориентацией на результаты его действий – вместо постижения психологии, то есть без осмысления глубинных мотивировок его поступков.

А от иллюстративности возникает сухой «нарратив». Ибо игнорируется два аспекта – метафизический (внутренние взаимоотношения личности с Богом или Дьяволом, восходящие в перспективу Пути – в постижение соотношения земных поступков с Высшим миром) и экзистенциальный (глубинное постижение отдельности человеческой личности и ее онтологического одиночества).

Без метафизического или экзистенциального постижения личность человека на экране рискует стать плоской. В данном случае она становится не только плоской, но еще и невнятной.

Начали с Мифа – закончили Комиксом.

В Японии есть такой дух зла – Амонадзюку. В отличие от Дьявола, он не соблазняет души для последующего отправления их в Ад, а просто совершает зло из любви ко злу – наподобие Фантомаса. Вот и Сталин до сих пор таковым Амонадзюку представлялся. Ибо в одного персонажа его превратили две эпохи – две главные эпохи прорастания Новых Смыслов, эпохи, давшие обществу новую метафизику – 60-е и 90-е.

60-е были родом из 20-х, но переосмыслили их матрицы – причем, переосмыслили остросоциально и весьма энергетично. Столь же энергетично ворвалась в мир перестройка, в свою очередь уже отталкивающаяся от 60-х, но при этом несущая новые смыслы, новые знаки и новую систему ценностей.

Согласно обоим эпохам, Сталин был именно никем иным, как Амонадзюку. Шестидесятники сделали его таковым из любви к Ленину и к самой Советской власти, к самой прекрасной советской утопии. Мотивировка перестройщиков была иной – они отыгрались на Сталине за свою не очень состоявшуюся, а точнее, внутренне надломленную, тревожащую некоторой своей ущербностью жизнь, проведенную в неправильной стране. Нашли Виноватого – ну почти, как те наркоманы из перестроечных документальных фильмов.

Ведь всегда, если что-то в жизни случается не так, как нам хочется, кто-то виноват. Народ считает, что для наступления общей, тотальной прекрасности жизни виноватых надо сначала экспроприировать, а потом убить. Интеллигенция же чаще всего против столь радикальных мер – и потому виноватых ей необходимо для начала хотя бы заклеить позором. И совершить так называемое покаяние, выражающееся в словах: «За таких, как они, нам стыдно».

И прекрасность жизни наступает – если не социально-экономическая, то онтологическая. Правда, наступает лишь на короткое время – затем опять находятся виноватые – но все же наступает. Ибо воцаряется пространство общественного согласия на почве однозначного осмысления вещей. Пространство внутреннего спокойствия, всепонимания и ощущения полного постижения Правды и Справедливости.

И понятия, которым в подобные эпохи дается новое имя и новый смысл, закрепляются в таком качестве надолго.

И рождается Миф. А потом превращается в Штамп. И вот тут уже дело плохо. Ибо, чтобы этот Штамп, этот Миф действительно изменился, нужна новая эпоха Общественного Переосмысления. Да только страшновато как-то, ибо подобная «минута роковая» весь мир «перетрахирует». Хотя «посетившим» ее в результате подобного «перетрахиования», может быть, и суждено некоторое «блаженство».

Пока же матрица под названием «Сталин» остается столь же фантомным, маловнятным, «блуждающим» объектом, каковым и являлась в начале своего рождения. Только с иным знаком.

Город и Поэт

Чтобы некоему городу сохраниться в истории и памяти людской, может быть достаточно одного факта, или события, или даже незначительной детали. Однако ко времени, когда увидят свет знаменитые «Тарусские страницы» – единственный литературный альманах, увидевший свет без обязательной предварительной цензуры*, слава города уже была и давней, и прочной. Потому что он накрепко был связан с человеком, имя которому Марина Цветаева.

Интересно, о чем подумал профессор Иван Владимирович Цветаев, когда впервые оказался в Тарусе, на высоком берегу Оки, глядя откуда, пожалуй, лучше всего понимаешь, что такое российская земля? Может, он вспомнил вечный Рим с его семью холмами, в руинах которого когда-то отыскал древние памятники письменности италийского племени осков? Или родную Владимирщину, где родился в семье священника и получил первое образование в Шуйском духовном училище и Владимирской семинарии? Об этом мы никогда не узнаем, но почему не

помечтать? Но город ему, скорее всего, понравился, иначе к чему бы снимать дачу «Песочная» – добротный барский дом, да еще на длительное время? Было это в 1892 году, когда в новой семье овдовевшего ученого появилась вторая дочь – Марина, чья поэзия сегодня известна всему миру.

Точная дата основания Тарусы, как и многих городов русских, доподлинно не известна. Первые упоминания в исторических документах относятся к 1246 году, когда впервые встречается имя удельного тарусского князя Юрия, сына святого князя Михаила Черниговского. Долгое время город существовал как центр Тарусского княжества. Его дружины подвизались на Куликовом поле под стягами и хоругвями полков

великого князя Московского Дмитрия Ивановича Донского. Естественно, что город с таким прошлым не мог оставить равнодушным выдающегося историка и увлеченного археолога, коим являлся Иван Владимирович Цветаев, усердными трудами которого в Москве был основан знаменитый Музей изящных искусств имени императора Александра III (Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина на Волхонке).

Овдовев после двенадцати лет супружества, Иван Владимирович через год женился вторично: двум осиротевшим детям нужна была женская забота. Новой супругой Цветаева стала дочь саванного московского чиновника Александра Даниловича Мейна – Мария. В Мейнах текла смесь разных кровей: сербской и прибалтийско-немецкой. Мария жила в мире романтических фантазий, и, когда у нее появились свои дочери, мама рассказывала им о несчастном короле Лире, о молодом Людовике Баварском – отшельнике, утонувшем в озере, том самом, где она,

* ЦК КПСС посчитал выход сборника ошибкой, уволил главного редактора издательства и изъяс тираж.

Мария, с отцом плавала на лодке и отдавала воде, сняв с пальца, свое кольцо.

О своей матери Марина Цветаева сказала: «отдаленная, но истовая германка». Кстати, свое имя будущая поэтесса получила в честь Марины Мнишек, отнюдь не патриотки Руси. Такова была странная материнская прихоть. Думается, у Ивана Владимировича не было возможности активно участвовать в выборе имени новорожденной — он был всецело поглощен работой на кафедре истории и теории искусств Московского университета. Мария Александровна потеряла свою мать-польку, Марию Лукиничну Бернацкую, из знатного шляхетского рода, когда ей было всего девятнадцать дней. Девочку вырастила бывшая бонна умершей матери, а затем экономка в мейновском доме — Сусанна Давыдовна Эмлер. Через годы, когда Мария Александровна вышла замуж за Ивана Владимировича Цветаева, его тесть и теперь уже бывшая экономка обвенчались. В семье Сусанну Давыдовну называли Тетя, или, по ее выговору, — Тьо.

Марине Цветаевой было почти семь лет, когда скончался дед Мейн. Ей хорошо запомнился материнский траур: «...в полоску блузка того конца лета, когда следом за телеграммой: “Дедушка скончался” — явилась и она сама, заплаканная и все же улыбающаяся, с первым словом ко мне: “Муся, тебя дедушка очень любил”». Незадолго до кончины Александр Данилович приобрел в Тарусе дом с фруктовым и липовым садом, разделив накопленный капитал между женой и дочерью. Сусанна Давыдовна осталась жить в Тарусе навсегда, на двадцать лет. Ее дом, купленный Мейном, теперь прозывался «Тьо». Под его кровом стала бывать вся семья Цветаевых.

В 1992 году накануне 100-летия Марины Цветаевой в доме открылся «Тарусский музей семьи Цветаевых». В наше время адрес этого старинного деревянного здания — улица Р. Люксембург, 30 — звучит почти издевательски: советская власть — наследница немецкой «пламенной революционерки», но именно советская же власть довела великого поэта до гибели, а музей в память о ней — на ул. Р. Люксембург... До революции название улицы было иным — Кладбищенская (тоже, конечно, не карнавал, однако все же лучше,

Марина Цветаева

чем имя дьяволицы). Происхождение этого топонима вполне естественное — дорога ведет к городскому кладбищу. На нем покоятся дочь Ивана Владимировича Цветаева от первого брака Валерия (Лёра) и дочь Марины Ивановны Ариадна Сергеевна Эфрон (Аля).

Однажды Марина Цветаева предложила гимназической подруге Соне Юркевич поехать с ней к Тете в Тарусу. Соня увидела сухонькую старушку в белом чепчике с лентами и в длинном белом капоте с оборками и вышивками. По правилам дома они должны были возвращаться с прогулки в десять часов вечера. Тогда запирались все двери и Тетя ложилась в кровать, уверенная в том, что все правила, предписанные ею, неуклонно выполняются. Однако с этого часа и начиналась «настоящая жизнь». Открывалось окно, и девушки бежали на речку к лодкам. В светлые ночи гребли к лунной дорожке и плыли далеко-далеко, всматриваясь в сумрачные крутые берега Оки, заросшие густым кустарником. Становилось жутко от этих берегов, оврагов, казалось, что кто-то невидимый скрывается в них и вот-вот выйдет оттуда, темный и страшный. Ночь проводили в копнах сена, которые стояли на заливных лугах по берегам реки. Забирались в копну, чтобы не было холодно. Луна заливала светом часть луга, за лугами обозначались леса, с берегов поднимался туман, иногда доносилось пение соловья. Марина читала любимые строки Пушкина, Гете и Гейне. Читала и свои стихи. Живым воспоминанием об этом беззаботном и счастливым времени в полной

трудностей и трагизма жизни поэта можно назвать эти строки:

Бежит тропинка с бугорка,
Как бы под детскими ногами,
Все так же сонными лугами
Лениво движется Ока;

Колокола звонят в тени,
Спешат удары за ударом,
И всё поют о добром, старом,
О детском времени они.

О дни, где утро было рай,
И полдень рай, и все закаты!
Где были шпагами лопаты
И замком царственным сарай.

Куда ушли, в какую даль вы?
Что между нами пролегло?
Все так же сонно-тяжело
Качаются на клумбах мальвы.

Таруса настолько тесно связана с жизнью Марины Цветаевой, что трагическая судьба поэта неизбежно отбрасывает свою тень и на имя города. Невозможно, произнося слово «Таруса», не вспомнить Марину Цветаеву. Невозможно, произнося «Марина Цветаева», не вспомнить то страшное время, в какое ей довелось жить и которое довело ее до гибели. Было много споров о том, насколько правомерно упоминать Цветаеву в церкви, молиться о ней, подавать поминальные записки, служить панихиду. Христианство категорически запрещает делать это в отношении самоубийц, а Марина Ивановна, формально рассуждая, наложила на себя руки. Но еще в 1990 году Патриарх Московский и всея Руси Алексей II внес ясность в этот непростой вопрос, благословив отпева-

Святой источник в Тарусе

Дом-музей Цветаевых

Рояль Марины Цветаевой

ние Марины Цветаевой в день пятидесятой годовщины ее кончины. Церемония состоялась в московском храме Вознесения Господня у Никитских ворот.

Не нужно думать, что, пользуясь своей властью, Святейший нарушил канон. Он всего лишь посмотрел в корень ситуации. А корень заключался в том, что самоубийство, то есть добровольное и самовольное лишение себя жизни, и доведение до самоубийства суть не одно и то же. Святые Евпраксия, Пелагея, Вероника, и не только они, прославленные Церковью, поступили именно так, чтобы избежать позора и поругания врагами. Марину Ивановну именно довели до состояния, когда дальнейшая жизнь не только потеряла смысл, но стала физически невозможной. Семья только успела вернуться в СССР, поверив посулам власти, как арестовали ее дочь. Следом – мужа Сергея Эфрона, состоявшего в определенных отношениях с НКВД, что, однако, не помешало через два года его расстрелять. Марина Ивановна осталась одна с малолетним сыном. Без средств к существованию. Без возможности работать. Разве это не доведение до гибели? Кто довел? Не будем наивными! Лучше прочитаем строки, написанные самой Мариной Ивановной. Не в стихах. В прозе.

В совет Литфонда. Прошу принять меня на работу в качестве посудомойки в открывающуюся столовую Литфонда. 26 августа 1941 года.

Из предсмертной записки сыну Муру:

Прости меня, но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми, что я больше не могла жить. Передай папе и Але – если увидишь, – что любила их до последней минуты, и объясни, что попала в тупик.

Из предсмертной записки друзьям:

Не оставьте Мура. Умоляю того из вас, кто сможет, отвезти его в Чистополь к Н.Н. Асееву. Со мной он пропадет. Адр. Асеева на конверте. Не похороните живой! Хорошенько проверьте.

Марина Цветаева похоронена на Петропавловском кладбище в г. Елабуге. Точное место захоронения неизвестно. На той стороне кладбища, где находится ее затерявшаяся могила, в 1960 году сестра Анастасия Цветаева установила крест, а через десять лет было сооружено гранитное надгробие.

Love story, как это было в селе Починки

Несколько лет назад в редакцию пришло письмо от жительницы села Починки Нижегородской области Нины Ивановны Усковой. Она написала, что ей очень нравится наш журнал, но она не может его выписать: не хватает денег. И просила, если можно, высылать ей «Лампаду» благотворительно. Мы, разумеется, выполнили ее просьбу. А недавно нам написал ее муж, Владимир Александрович.

Она у меня тяжело болела, более восьми лет была прикована к постели. Вы поддерживали ее и постоянно присылали ваш замечательный журнал «Лампада», который она с большим интересом всегда читала. Нина умерла у меня в 2016 году. Похоронили мы ее на нашем сельском кладбище. Все сделал по христианскому образу, справил поминки, горячий стол на сорок дней и на год. Тяжело перенес ее смерть. Ведь прожили мы с ней 30 лет. И жили хорошо, даже никогда почти не ссорились. Я ее кормил с ложечки, ведь она не могла даже самостоятельно кушать, убирал из-под нее, читал вслух от корки до корки ваш журнал. Высылаю в ваш адрес стихи, что я написал в память о Нине – замечательной жене и прекрасном человеке, настоящей православной христианке, каковой она была всю жизнь. Если есть возможность, напечатайте их в вашем журнале. Если будете печатать, не могли бы один экземпляр журнала выслать в мой адрес на память, а если нельзя, то не обязательно.

Нам показалось, нет, мы убеждены, что такая любовь заслуживает более подробного рассказа об этих людях, и попросили Владимира Александровича рассказать о Нине Ивановне и о себе подробнее. Он охотно отозвался на нашу просьбу и вскоре прислал новое письмо. Но в нем, как и в первом, все было посвящено любимой женщине. И даже потом в телефонном разговоре о себе сказал только: «Всю жизнь прослужил в правоохранительной системе. Тридцать лет назад приехал по

делам службы в Починки, там увидел Нину и... остался навсегда». А письмо – вот оно, немного сокращенное:

Родилась Нина (в девичестве Фуфаева) в 1955 году в самой глубинке центра России – селе Починки, в крестьянской семье. Была самым младшим, третьим, ребенком в семье. Отец Иван Иванович и мать Анна Максимовна работали в местном колхозе. Родители и старшие брат и сестра, соседи были с ней добры и ласковы, наверно, потому она и выросла такой

доброй. Вместе со сверстниками ловила летом огольцов, окуньков и раков в чистой и прозрачной Рудне, и это развлечение было подспорьем в трудное и голодное время. Пятилетнюю Нину мама брала с собой на ферму – помогать доить коров, оттого, верно, Нина и выросла трудолюбивой. Дочке было с кого брать пример: мама ее была награждена орденом «Знак почета», а по тем временам это была редкость. Родители были глубоко религиозными людьми и потому воспитывали детей по-христиански. Вот Нина и

ОКРЕПЫ

В сострадании сокрыта любовь такой силы, что она больше обычной любви. Если ты страдаешь другому, то начинаешь любить его сильнее.

*Преподобный
Паисий Святогорец*

выросла цельным, чистым человеком – окончила Горьковский сельхозинститут и скоро заняла крупную руководящую должность: стала директором Государственного племенного завода, выведившего лошадей-тяжеловозов и оставалась на этой работе до конца 90-х годов, когда завод ликвидировали, а лошадей свели на нет. Всю жизнь Нина твердо верила в Бога, чем могла помогала нуждающимся, жертвовала деньги на восстановление местных храмов, все это делала смело, открыто, хотя такая набожность, особенно в руководстве, не поощрялась. Она так и не вступила в партию, к чему ее настойчиво подталкивали. Ни один районный праздник по выводке лошадей не обходился без ее личного участия. Посмотреть на выводку лошадей – а это так красиво! – приезжали к нам не только из всех уголков страны, но и из-за рубежа. Больше 1000 породистых, отборных лошадей выставлял наш Починковский конезавод! Слезы наворачиваются, когда вспоминаешь, куда все ухнуло... В начале 2000-х годов Ниночку настигла тяжелая, неизлечимая болезнь, с которой она долгое время как могла боролась, продолжая работать. Но болезнь постепенно забирала

ее, и в 2008 году Нина окончательно слегла. Она уже не могла себя обслуживать. Но вела себя наша Ниночка истинно по-христиански – не впадала в грех уныния, стойко переносила выпавшие на ее долю страдания. Много времени проводила в молитвах, читала много духовной литературы, молилась абсолютно за всех людей – чтобы Господь даровал им здоровье, благополучие, чтобы все были счастливы на земле.

Скончалась Нина Ивановна в январе 2016 года, пролежав в постели более восьми лет. Незадолго до смерти, когда с Ниной было вообще плохо, она меня очень просила поблагодарить людей, которые помогали ей в ее тяжелой ситуации. Особенно просила поблагодарить и ваш журнал. За ней ухаживали чуть ли не все сельчане. Но особая благодарность и низкий поклон Губеновой Елене Николаевне, Пасякиной Екатерине Сергеевне, Данильцевой Антонине Ивановне, Ярилиной Зинаиде Степановне, Курепиной Наталье Николаевне, Суренковой Марии Ивановне и многим, многим другим, которые никогда не считались со временем, не жалели сил, а в деревне жизнь, сами знаете, не сахар. Очень много народу пришлось прово-

дить ее в последний путь. На ее памятнике слова, которые она завещала написать: «И жизнь заканчивается, а память остается. Если кто подойдет к могилке, вспомните меня молча. Спасибо». И пусть Нины сегодня нет с нами, но хочу сказать: такие, как она, составляют основу нашей православной веры, вот такие простые люди из русской глубинки.

Высылаю, как вы просили, фотографию Нины (еще до болезни). Если можно, напечатайте ее хоть маленького размера перед стихами.

Кажется, я выполнил все ее просьбы. Если кого-то не назвал, прошу меня простить.

Светлой памяти жены посвящается

Ты восемь лет прикована к постели,
Ты восемь лет страдала – силы нет,
Тяжелая болезнь тебя, как спрут,
связала,
И кажется немылым белый свет.
Ни дня без боли и ни дня без слез,
Страданий тяжких, нет каким
предела.
Но каждый день с большой
Любовью ты
На лик Спасителя, что рядом был,
глядела.
Сейчас тебя со мною рядом нет,
Ушла ты от меня, но верю твердо я,
что встретимся мы снова
В своей небесной вечной жизни
неземной,
Всегда мы будем вместе –
вновь прекрасны, молоды, здоровы.

В храм Всех святых Нина ходила с детства

Мы все равно пытаемся сделать наш мир лучше, даже если это не всегда получается

– Александр, вы – адвокат, председатель Московской коллегии адвокатов «Карабанов и Партнеры». И вы – православный человек. Не противоречит ли одно другому?

– А с чего вы взяли, что здесь может быть противоречие?

– Ну как же! Суд без милости не сотворившему милости. То есть тому, кто не творит милость, нечего ждать милости на Страшном Суде. Это значит: милосердие выше всего, в том числе выше закона. А в присяге адвоката сказано, что он руководствуется законом. Иными словами, вы закону служите, не так?

– Закону я служу, совершенно верно. Но это не значит, что я не творю милости. Я делаю все, что в моих силах, чтобы правосудие было максимально милосердно к моему подзащитному.

– Даже если это очевидный преступник?

– Даже если это очевидный преступник. А по-вашему, нужно добиваться милосердия к невиновному? Невиновного просто не нужно трогать.

– Ну, этим наше правосудие, по моему, не страдает. Откуда вообще в нашем законодательстве превалирует обвинительный уклон? От советских времен?

– Берите глубже. Российское законодательство, как, впрочем, и европейское, и вообще мировое, построено на римском праве. Определяющий вектор взят именно оттуда: *ignorantia non est argumentum* – незнание закона не освобождает от ответственности. Чувствуете, к чему это клонит? Кто-то совершил нечто, не зная, что это преступление. Поблажки ему не будут никакой. Римское право достаточно категорично и жестко. А если иметь в виду, что наше современное законодательство буквально трещит от обилия поправок, обычный законопослушный человек запросто может стать нарушителем закона из-за своей юридической неосведомленности.

– Известно, что первые законы человек получил от Бога. Это потом уже люди стали изобретать собственное право, приспособливая не себя к

закону, а закон к себе. Как учит нас Ветхий Завет, Бог дал человеку через пророка Моисея 613 заповедей. 365 из них носят запрещающий характер, а 248 – так называемый побудительный, подвигающий человека к благому действию. А в нашем законодательстве можно определить соотношение норм, побуждающих человека к благим поступкам и запрещающих творить злые дела?

– Российское законодательство кодифицировано: оно строится исключительно из запретительных мер. Посмотрите его структуру: там записаны действия, которые совершать нельзя. Поэтому, естественно, люди действуют от противного. Все противозаконные действия прописаны в кодексах – всё, что не запрещено, то разрешено.

– Надо думать, такая конструкция рождена не небрежностью или неведением. Тогда один из главных вопросов в юриспруденции: *cui prodest?* – кому это выгодно? То есть для чего это делается?

– Одна из характерных примет нашего времени – активная загрузка человека избыточной информацией. Во многом это порождение рынка: во-первых, сама информация стоит денег; во-вторых, забитую голову легче обдурить как торговцу, так и политику. Но есть и объективная сторона. Жизнь усложнилась. Современный человек не может своими руками построить дом, сам себя вылечить. Нужно быть специалистом, профессионалом. К медицине и праву это относится в первую очередь. Не зря же еще со времен Платона юриспруденция была выведена в отдельную научную дисциплину. Тогда детей патрициев обучали ей. То была прерогатива высших слоев общества и власть предержащих.

– А народу, плебсу, значит, надо было только знать, что незнание закона не освобождает от ответственности?

– Изначально государство и законодательство все же возникли, чтобы защищать права всех граждан. Так – по идее. Но эта идея очень быстро оказалась нежизнеспособной: законода-

тельство стало защищать только права власть имущих. Я считаю, что со времен Платона ничего не изменилось.

– Я понимаю вас так: не изменилось ни законодательство, ни сама нравственная структура общества. Последняя имеет, пожалуй, даже больший исторический стаж. Вспомним из псалма пророка Давида: «...всяк человек лож». Не возникает ли у вас, как у христианина, нравственных коллизий: вы защищаете человеческую правду, а вовсе не Божию Истину?

– Вы всё о внутренних конфликтах... Вопрос, конечно, серьезный. Я – юрист, представитель абсолютно социальной профессии. Моя задача – защищать человека по человеческим законам, по человеческой правде. Вопрос Истины с большой буквы – это скорее в зоне ответственности священника. Из опыта наблюдения над разными судебными процессами или личного в них участия могу сделать вывод: если человек, совершивший преступление, искренне раскаивается в содеянном, раскаивается не на словах, а именно внутри себя, он получает меньшее наказание, чем тот, кто тоже раскаивается, но делает это формально, для формальности.

– Совсем как разбойник, распятый вместе с Христом.

– Совершенно верно! Когда присутствует чистосердечное раскаяние, подсудимый переходит не в суд человеческий, а в суд Божеский, который неизбежно влияет на его физическое наказание.

– Как верующий человек, вы это понимаете. Я имею в виду связь между раскаянием человека и Высшей справедливостью. Не думаю, что большинство служителей Фемиды придерживаются такого же взгляда. Иными словами, в представлении большинства все решает так называемый человеческий фактор. То есть справедливость и несправедливость – все зависит от людей. Насколько объективно сейчас выносятся приговоры в России?

– Юлия, большое спасибо вам за вопрос. В этом мире человеческой справедливости нет и не будет. Что может быть более убедительным, чем судьба Иисуса Христа?! Наша духовная ДНК повреждена нашими соблазнами и страстями. Стало быть, всё, что происходит на земле, не может быть идеальным, как это было задумано и создано Богом, потому что по природе своей человек грешен. Мир, по сути, уже наполовину разрушен. Понимание этого поможет избавиться от иллюзий и попытаться выстроить план верного движения. Не нужно, например, использовать несовершенство законов, чтобы создать себе зону комфорта и безопасности. В более широком смысле – заменять несовершенные инструменты,

созданные несовершенным человеком, какие бы великие цели мы перед собой ни ставили. Это ведет в никуда. Нужно искать другую почву, другую основу, на которую можно опереться. У православных это – путь к спасению души. Опирайтесь нужно на Божественную истину. Возможно, я, как юрист, всё систематизирую и упрощаю. Для себя я уяснил смысл жизни – пройти через отведенный мне путь со всем набором его несовершенства. Можно ли пройти так, чтобы при этом не замарать ноги? Вряд ли, но стремиться к этому нужно. Однако, если даже такое случится – ничего страшного: нужно омыться и идти дальше. Человеческое сердце может окаменеть, озлобиться, осуждать, потерять веру, любовь, начать злом отвечать на зло. Если человек сумеет пройти через всю эту грязь и не застрять в ней, он, хочется верить, будет достоин Царствия Небесного. А наше законодательство – могу точно сказать – очень несовершенно, суды несовершенны, судьи несовершенны, и, естественно, есть несовершенные приговоры. Но удивляться ли этому в свете всего сказанного выше?

– Я бы сказала: огорчаться. Ведь от этого страдает все общество.

– Не совсем всё. Но его подавляющая часть. Те, кого мы раньше называли «простые советские люди». Вот кого действительно очень жалко. Не оказанная вовремя юридическая помощь или оказанная неквалифицированно – это то же самое, как если бы человеку отказали в медицинской помощи или за дело взялся бы какой-нибудь костолом. Юриспруденция пронизывает все сферы нашей жизни. Идем ли мы в отдел социальной защиты, или садимся в автобус, или кладем руки на руль собственного автомобиля – каждое наше действие, почти каждое слово связаны с наукой о праве, точнее, с ее практическим применением. Для нашего с вами разговора не имеет значения, преднамеренно или по незнанию совершено правонарушение. Значит, нужно обращаться к юристу. Но каждому ли по карману высококвалифицированная юридическая помощь? Увы, нет. Мы – страна бедных людей. В ближайшее время я хочу запустить проект под названием «Народный адвокат». Суть его в том, чтобы привлечь к адвокатской практике молодых людей, кото-

рые хотят развиваться, получать опыт (естественно, под присмотром старших товарищей) и которые готовы безвозмездно вести дела. Эта общественная организация будет принимать от частных лиц и организаций пожертвования, из которых при необходимости будут оплачиваться услуги более дорогих юристов. Если опыт удастся, его можно будет распространить и в регионах. Может быть, даже удастся получить гранты.

– Вы провели очень точную аналогию между юридической и медицинской помощью. Они действительно тесно связаны. У нас пока чего-то добьешься в сфере права, потеряешь последнее здоровье. Не думаю, что здесь можно что-то изменить. Так повелось испокон века. Об этом еще в Евангелии сказано. Можно как-то помочь людям: хотя бы какие-то видеоролики сделать или пошагово описать, как поступать в той или иной ситуации?

– Абсолютно очевидно, что государство этим заниматься не будет. Ему это просто не нужно. Это должны делать общественные организации. Сейчас мы запускаем проект, идея которого возникла из моего личного негативного опыта. Я часто пользуюсь услугами наших авиакомпаний, отсюда и опыт. Но отстаивать у них свои права человеку без юридического образования практически невозможно: настолько все хитро забюрократизировано. Я хочу создать общественную организацию, куда могли бы обращаться люди, чьи права ущемили наши «хозяева неба». Будем отстаивать их интересы. Один из моих сотрудников входит в организацию «Отцы России», которая отстаивает интересы отцов. Я так понимаю, что это и есть патриотизм: когда граждане пытаются сделать общество, в котором они живут, лучше, чем оно есть. Это и есть ответственность за себя и то общество, в котором ты живешь.

– Знаю, супруга разделяет ваши взгляды, что естественно и нормально для здоровой семьи, и по возможности старается вам помогать.

– Совершенно верно. Мы с ней полные единомышленники. И я очень благодарен ей за это. Вы знаете, порой моральная поддержка бывает куда важнее профессиональной. А в наших, адвокатских, делах потребность в такой

СКРЕПЫ

Я вам не желаю ни богатства, ни славы, ни успеха, ни даже здоровья, а лишь мира душевного. Это самое главное. Если у вас будет мир, вы будете счастливы.

*Преподобный
Алексий Зосимовский*

помощи практически постоянна. В моей юридической практике половина дел так называемые резонансные. Это не что-то из ряда вон выходящее, а обычная проблема семейного характера. Это всегда драма, а раз так, значит, и резонанс. Мы не ограничиваемся разрешением частной ситуации, а ищем причины и условия, ее породившие. Создается чуть ли не учебное пособие. Недавно у нас было дело, в котором фигурировали девушка и группа парней. Было очень сложно доказать факт надругательства и определить вину каждого. Удалось. Удалось и наказать ребят. Но мы придали делу общественное звучание, и это сразу подняло его на гражданскую высоту, потому что речь пошла о поведении человека в обществе, о пределах дозволенного. Периодически мы устраиваем такие публичные «порки». Накануне у нас была такая «порка» – известного спортсмена, многократного чемпиона по борьбе – за изнасилование. На примере этого дела мы показали, что российские законы нужно соблюдать, кем бы вы ни были. Через резонансные дела мы пытаемся сделать наш мир лучше.

– Но у вас есть заботы, которые обычно избегают публичности. И это не связано с профессией. Может, все-таки поделитесь?

– У меня есть проекты, возможно, не громкие, но которые я считаю значимыми. Именно поэтому к ним я приобщил свои ресурсы. Чтобы обеспечить себя крышей над головой и едой, нужно не так много денег. Но человеку надо знать, для чего он живет. Каким ценностям он служит.

– Вы – знаете?

– Мне кажется, да.

– И потому вы, в частности, поддерживаете проект – храм на судне, плавающем по Волге.

– Поддерживаю – может быть, громко сказано. Скорее – участвую. Слишком много о делах благотворительности не хотелось бы говорить. Это личный вопрос.

– У вас по-настоящему воцерковленная семья...

– Пожалуй, так можно сказать. Удивительно то, как наша дочка тянется к Богу. Мы иногда с женой хотим отдохнуть, никуда не идти. В таком случае самый маленький член нашей семьи поднимает нас, чтобы поехать в храм.

– А вы сами верующий со стажем?

– Формально можно считать, что так: был крещен еще в детстве. Но хотя с сознательного возраста уже знал, что Бог есть, богослужений не посещал, соответственно, не исповедовался, не причащался. Довольно долго был типичным «захожанином» – мог зайти в церковь, чтобы поймать там действительно неповторимую атмосферу, поставить свечку. Но понимания, что такое православие, не было. Меня достаточно много носило по псевдодуховным путям. В перуанских джунглях изучал местный шаманизм, участвовал у них в разных церемониях. Потом были наши бурятские шаманы. Меня даже готовили к ритуалу соединения с «энергией рода». Затем подался в буддизм. И все это время я самодовольно считал, что меня мотает потому, что человеку свойственно стремление к саморазвитию, к совершенству. А когда около четырех лет назад я встретил своего нынешнего духовного отца, все встало на свои места. Он, что называется, взял меня за руку, привел в храм и объяснил мне, что есть что и кто есть кто. И я понял, что все мои прежние искания идеала и истины в действительности были метанием моей христиан-

ской души, лишенной Истинного Бога. А потом батюшка благословил меня поступить в Рязанский государственный университет имени Есенина, где мы с женой уже второй год профессионально изучаем православие.

– Ваш коллектив следует по стопам шефа?

– По части получения религиозного образования – пока нет. Но православные у нас почти все. Пятая часть регулярно посещает храм. Они и создают общий дух офиса. Совсем как по Серафиму Саровскому: спасись сам – и вокруг тебя спасутся тысячи. Мы с женой повенчались три года назад. И вокруг тоже начали венчаться, приходиться в храм, просить познакомиться с батюшкой.

– Вы считаете, что занимаетесь делом спасения?

– Разве я похож на такого дерзкого человека?! Мне бы самому спастись... Нам в университете владыка Марк говорит, что найти ответ на вопрос, кто спасется, мы не сможем. Это прерогатива только Бога. Но я – верю! Как сказано в нашем Символе веры: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь!».

– Аминь! Благодарю вас.

Беседовала Юлия Камагина

ЧТО ЕСТЬ ИСТИННОЕ ПОКАЯНИЕ

Из святителя Димитрия Ростовского

Истинное покаяние заключается в том, чтобы не только исповедать поистине грехи свои, но и не возвращаться также на прежние злые дела, но проводить жизнь свою в непрерывном ее исправлении; не только не возвращаться к прежнему, но и с сокрушением сердечным жалеть о прежде содеянном; не только же жалеть, но и дать удовлетворение за содеянные грехи немалыми трудами покаяния, которые не только бы сравнились с содеянными грехами, но и превзошли бы их. Суетно покаяние того, кто недолгим от брашен воздержанием и единокровным пощением хочет многократное объедение и пьянство покрыть. Тщетно покаяние того, кто каким-либо кратким и легким умерщвлением своего тела думает очистить себя от долговременных и тяжких смертных грехов. Неправедно покаяние того, кто немногими воздыханиями и биениями в перси надеется оправдаться от многих неправд, татьбы, убийства, хищения, ограбления, братоозлобления и тому подобных прегрешений. Сомнительно прощение грехов того, кто малыми только слезами (кроме других истинному покаянию подобающих подвигов и трудов) великие скверны и беззакония чаёт смыть и избавиться от вечных мучений.

Посему никто да не надеется от грехов своих великих очиститься только одним исповеданием и каким-либо незначительным умилением, без трудов и подвигов, подобающих истинному покаянию, если он поленится потрудиться, хотя и будет иметь время для своего исправления и удовлетворения за грехи.

Что пользы открыть язву, а подобающего лекарства к ней не приложить?

Всё на волю Божию – как принцип жизни

Углич и его небесные покровители

Этим летом посчастливилось опять посетить Углич, дорогу нашему сердцу русскую глубинку. К сожалению, очень ненадолго. Однако все же удалось побывать в кремле, в храме, построенном на месте убийства царевича Димитрия. Здесь все связано с этим страшным событием – и роспись сводов, в деталях рассказывающая о последних часах жизни восьмилетнего наследника; и носилы, на которых несли гроб с его телом; и колокол, возвестивший городу о трагедии, за что был сброшен с колокольни, бит плетью, ему вырвали язык, оторвали ухо и сослали в Тобольск, где единственный свидетель печальных событий и находился последние 300 лет.

Вспоминала свое прошлое путешествие сюда три года назад. Началось оно тогда с паломничества в храм Михаила Архангела, что в бору, и закончилось выставкой картин отца Рафаила (Симакова) в самом Угличе. Эта поездка была настолько замечательная,

духовно богатая и насыщенная, что и спустя годы тепло и радостно от воспоминаний о ней, таких ярких и ясных, как будто это было только вчера. Рука сама потянулась к карандашу и бумаге, чтобы запечатлеть их, пока память окончательно не «затянуло» временем. И вот что получилось.

В восьми километрах от Углича по Ярославской дороге среди густого леса стоит удивительный храм – церковь Михаила Архангела, что в бору. Место это особое. Изначально здесь был монастырь, точная дата его основания неизвестна, но к концу XIV века он уже точно существовал, поскольку его игумен, как записано в летописи, присутствовал на освящении одного из храмов города Углича. Интересна история строительства монастыря. Он должен был быть придорожным, у дороги из Углича в Ярославль. Строители, благословившись, взялись за дело. Но как утром ни придут, всё, сделанное накануне, развалено. И так не один раз.

Пошли к старцу: «Помолись, отче, мы богоугодное дело хотим сделать, а у нас ничего не получается». Старец ответил, что нет, значит, воли Божией быть монастырю на этом месте. Сказал строить его в лесу, на болоте, в самом топком месте. Благословение выполнили, построили деревянный монастырь с храмом, кельями и деревянными постройками в глубине болота. Этот монастырь простоял 300 лет. В 1610 году Углич был уничтожен польско-литовскими интервентами. В Смутное время поляки много русских городов постирали с лица земли, причем особенно они свирепствовали уничтожая православные святыни. Эта участь постигла и Углич. Затем захватчики отправились искать тот самый монастырь, спрятанный в лесу на болоте. Там укрылись несколько сот жителей окрестных деревень, сорок монахов да игумен Михаил. Поляки поставили условие: примите нашу веру и покоритесь нашему царю, но никто с ними разговаривать не стал.

Всех, кого поймали, поляки изрубили в куски, остальных заживо сожгли в монастыре. Все это произошло в ночь на Пасху 4 апреля 1610 года. Только спустя 180 лет на месте этого монастыря, в 1790-е годы, построят каменный храм. Освятят его в честь Михаила Архангела. На предполагаемом месте братской могилы сейчас стоит деревянный крест. Здесь можно поклониться памяти трагически погибших русских защитников своей земли, попросить заступничества и сил всегда оставаться человеком и сохранять свой человеческий облик у тех, кто явил нам пример христианского

благочестия. Это особое место, кровью полита эта земля, это – особая святыня и время здесь никогда не закончится.

Особо чтимые святыни в храме – Казанская икона Божией Матери и образ св. Кассиана Угличского. С ними ходили в крестные ходы. Икона святого благоверного князя Романа. Ему досталось непростое время служения. Это XIV–XV вв. Князь вел мирный, очень богоугодный образ жизни, в Угличе строилось много храмов. Мощи Благоверного были уничтожены в советское время. Еще одна святыня храма – частица мощей младенца-мученика Иоанна Чеполосова, сына местного купца Никифора, жившего в 1660-е годы.

Восьмилетнего ребенка заманил к себе и пытал приказчик отца мальчика чернокнижник Федор Рудак. Тело было найдено спустя месяц. Изувер ежедневно выдирает у ребенка по зубу, на теле обнаружили двадцать ножевых ранений, а сам нож был воткнут в голову насквозь от уха до уха. Нож пытались вытащить – тщетно. И только Рудак вынул нож легко, и рана тут же закровоточила. Это было свидетельством того, что он и есть убийца. Изувер во всем признался. Его приговорили к казни четвертованием, но накануне младенец стал сниться своему отцу с просьбой отпустить убийцу. Известно, что Рудак гнил заживо, а умереть не мог – «он был живой изъеден червями», как сказано в житии свя-

Опальный колокол

того мученика Иоанна. «Мне отмщение, Аз воздам»: не мстите сами, не казните злопыхателей, и тогда их участь будет в руках Божиих. От мощей святого Иоанна было множество исцелений, но вскоре их спрятали под спуд – это было следствием борьбы со старообрядчеством (святую Анну Кашинскую даже деканонизировали в связи с этим – тщетно пытались сложить пальцы в троеперстие вместо двуперстия – персты сами обратно возвращали свое положение). В 1970 году во время реставрации церкви мощи были вновь обретены.

Настоятелем необыкновенного храма Михаила Архангела, что в бору, является также человек необыкновенный. Игумен Рафаил, в прошлом известный художник – авангардист Сергей Борисович Симаков. С самого детства он начал увлекаться живописью, но родители это не приветствовали. Они были истинными сторонниками коммунизма, и в их понимании это увлечение никак не способствовало строительству светлого социалистического будущего. Вот архитектор – это да, это профессия, необходимая для страны. Семья не была религиозной, родители Сергея, творческие интеллигенты, были очень светские люди, и очень порядочные. Послушание родителем было превыше всего, поэтому, из уважения и почтения к ним и по их настоянию, окончив школу, Сергей поступил в Московский

архитектурный институт. Здесь он познакомился со своей будущей женой – Еленой, дочерью знаменитого генерала Александра Георгиевича Котикова, который был комендантом Берлина с 1946 по 1950 год. Этого человека безгранично уважают немцы, в Берлине есть школа и улица, названные в его честь.

С самого детства художник сталкивался с множеством противоречий. Он увлекался многим, разными религиями, даже мистицизмом. «Но моя жена, Елена, относилась ко всему этому с такой безразличностью, – говорит о. Рафаил, – что так меня никуда

и не затянуло, как могло бы увести увлекающегося творческого человека». Эти попытки разобраться наконец увенчались успехом: в возрасте 34 лет они с женой принимают Крещение, потом венчаются, а через полгода покупают домик для мастерской в деревне в 12 км под Угличем, и начинается их новая жизнь. Представители элиты московской интеллигенции приехали в деревню, где их дом оказался единственным жилым домом, а до ближайшей цивилизации – 12 км. Дорога непроезжая. Первое, что они сделали, – разработали 70 соток земли. Начали выращивать все известные нашему климату культуры и завели весь известный домашний скот: коров, телят, поросят, коз, овец, кур, гусей. Потом они стали помогать о. Иоанну, который был настоятелем храма в соседней деревне. Как-то на одной выставке картин Сергея местный батюшка спросил его, почему бы ему не рукоположиться. Жена на это отреагировала так: «Ему Господь такой талант дал – что же, его теперь в землю закопать?!». На что батюшка ответил: «Господь – художник всех художников!». И сказал это с таким вдохновением, что через несколько месяцев художник Сергей Симаков стал священником, затем – настоятелем храма Михаила Архангела, что в бору, а матушка Елена – ангелом-хранителем этого храма.

Матушка Елена

Отец Сергей перестал писать картины, но стал писать иконы (об этом — в следующей публикации). Это были 1990-е годы, в лоно Церкви начали возвращать храмы, которые были у нее жестоким образом отобраны. Всё было разграблено, разрушено. О. Сергей обновлял фрески, писал иконы, и все это делал абсолютно безвозмездно. Мало того, средства с его выставок шли на реставрацию храмов Углича, всего Угличского района и самых нуждающихся приходов по всей России.

В 2000 году на выставке в Ярославле и Костроме несколько его картин замироточили. Мироточение — это не просто чудо, это свидетельство грядущих испытаний. О. Сергей заболевает, врачи ставят диагноз — рак в последней стадии, и счет идет на недели, в лучшем случае на месяцы. Матушка, всегда строгая генеральская дочь, вдруг стала тихой молитвенницей. Ему сделают операцию, шесть дней он будет между жизнью и смертью. Матушка все это время будет рядом. Он встанет, а через полгода после этого скоростно от рака умрет матушка Елена. За месяц до смерти она примет монашеский постриг с именем Анна в честь Анны Кашинской, которую они особенно почитали. Через восемь месяцев после ее смерти о. Сергей тоже примет иноческий постриг с именем Рафаил. Исполнилось тринадцать лет, как нет матушки, и уже восемнадцать лет, как о. Рафаил живет вопреки всем утверждениям медиков. Кстати ска-

зать, он никогда не пользуется услугами врачей. Никаких капельниц, уколов, таблеток. Представьте, сколько у него духовных чад и сколько людей предлагают ему обеспечить лечение в самых лучших клиниках. Но он от всего этого отказывается, говорит: «Ну, чайку с какой-нибудь травой я еще попою, а всё остальное и не предлагайте». Был случай, когда ему стало очень плохо, его обнаружили без сознания, привезли в больницу. Там он пришел в себя, поисповедовал всех, кто был с ним в палате, причастил; кого было необходимо, пособоровал — и... уехал. Его самого полечить не успели. На все попытки предложить ему медицинскую помощь он всегда отвечает: «На все воля Божья».

Храм Михаила Архангела отреставрировали, отремонтировали. К основному храму пристроен придел в честь Зачатия Пресвятой Богородицы. Службы не сокращаются, даже если в храме нет ни одного человека, только о. Рафаил и певчие. Всенощная продолжается до 6 часов. Когда батюшке предлагают сократить службу, ссылаясь на то, что нет в храме никого, о. Рафаил отвечает: «Ваше дело — приходить на службу или нет. Я ведь не вам служу». Храм двухэтажный, двупрестольный. Нижний храм, Введенский, очень уютный, теплый. Роспись поновлена самим игуменом Рафаилом и угличским художником Федором Куницыным. Летний верхний храм освящен в честь Собора Архистратига Михаила и прочих Сил

Отец Рафаил

Небесных. В престольный праздник, 21 ноября, на богослужение приезжает до семи автобусов, храм полон народу, но о. Рафаил каждому на исповеди уделяет столько внимания, сколько человеку нужно. Батюшка с улыбкой называет своих прихожан «приезжанами» — иначе как на машине сюда добраться сложно. Всю сельскохозяйственную продукцию раздают прихожанам во славу Божию, ничего не продают. «Мы все выращены на батюшкином и матушкином молочке», — говорят здесь. И если вам кто-нибудь будет засовывать в карман гусиные яйца или попытается предложить пакетик творожка, не отказывайтесь — все натуральное.

Архангельское всегда существовало как пустынька. Здесь никогда не было деревни, здесь жили только трудники, послушники, один или два монаха. Такая традиция сохраняется и сейчас. Домики построены в русском стиле, в них только электричество и печка. Желющие могут, взяв благословение у батюшки, приехать летом, потрудиться во славу Божию, пожить и помолиться в святом месте.

Отец Рафаил всегда опускает глаза, когда разговаривает с людьми, говорит извиняющимся голосом. Он очень настоящий, простой, немногословный и очень успокаивающий. Когда кто-то жалуется и о. Рафаил действительно видит, что это явные бесчиния, беспредел, он говорит: «Давай молиться, чтобы у них ничего не получилось. Потерпи — посмотрим. Всё на волю Божию».

СОДЕРЖАНИЕ

ОТКУДА БЕРЕТСЯ РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ?

<i>Протоиерей Андрей Ткачев – Павел Демидов</i>	
Бесятина чистой воды	3
<i>Марина Сульдина – Павел Демидов</i>	
От высоты религиозных идей у иных голова кругом	5

<i>Лариса Беляева</i>	
Анкета «Лампады»	8

ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ

<i>Валентин Курбатов</i>	
Сын радости	10
<i>Архимандрит Макарий (Веретенников)</i>	
Вси святии, молитесь Бога о нас	14

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

<i>Архивариус</i>	
Ничто не проходит бесследно.	
Храм главной защитницы Москвы	16

РОДНЫЕ ПЕНАТЫ

<i>Наталья Прохорова</i>	
Деревня моего детства	18
<i>Владимир Крупин</i>	
Упрямый старик (рассказ)	21

МИР ВОКРУГ НАС

<i>Публикация «Лампады»</i>	
Неизвестный талант хозяйки усадьбы Ховрино . . .	22

<i>Александр Шпагин</i>	
А был ли Сталин?	24

<i>Вадим Рутковский</i>	
Памятные адреса. Город и Поэт	28

<i>Публикация «Лампады»</i>	
Love story, как это было в селе Починки	31

<i>Александр Карабанов – Юлия Камагина</i>	
Мы все равно пытаемся сделать наш мир лучше . .	33

<i>Анна Андреева</i>	
Всё на волю Божию – как принцип жизни	36

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине lampada-press.ru

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Елена Трубецкая (подписка,
распространение, реклама)

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Нина Орлова

Обложка: Церковь Рождества
Пресвятой Богородицы в подмо-
сковном Говорове. Фото Вадима
Рутковского

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
+7 (963) 962-55-75
www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.
Выход в свет 10.11.2017
Цена свободная

**Этот номер вышел заботами рабов
Божиих Алексея и Александра.
Храни их Господь**

Приход храма иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине, г. Москва

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»
143200, Московская обл.,
г. Можайск, ул. Мира, 93

Контактный телефон:
+7 (495) 745-84-28
+7 (49638) 2-06-85

Тираж 1000 экз. Заказ № 288
© Лампада, 2017

Новинки издательства Никея

Марина Сульдина
**Вина мнимая
и настоящая**

Если мы не научимся правильно понимать собственное чувство вины, не попытаемся распознать, на что оно указывает, нам будет трудно жить осмысленно и счастливо.

Игуменья Феосемни
**Больше всего
молитесь за мир**

В этой книге — слова нашей современницы, греческой игуменьи Феосемни (Димца). Ее духовные наставления с одной стороны просты, а с другой — невозможно не почувствовать, сколько за ними стоит опыта и любви — к Богу и к людям.

Татьяна Гримблит
**Я решила
идти за тобой**

Эта книга о жизненном пути новомученицы Татианы Гримблит. С семнадцати лет, в самые страшные годы репрессий, она оказывала помощь заключенным — носила и рассылала им передачи, писала письма, помогала сохранить веру.

Петр Малков
**Рождество
Пресвятой
Богородицы**

Антология святоотеческих творений на Рождество Пресвятой Богородицы включает произведения разных традиций и эпох, византийских, русских и сербских авторов.

Паисий Святогорец
**О святых
и Божьих людях**

В этой книге собраны его истории не только о монахах-подвижниках, но и о благочестивых мирянах, праведность которых воодушевляла самого святого.